

Семен ХОДОРОВ

*ПУТАНЫ
НЕЛЁГКОГО
ПОВЕДЕНИЯ*

18+

Самуил Ходоров

Путаны нелёгкого поведения

«Инфра-Инженерия»

2018

УДК 82(1-87)

ББК 84

Ходоров С. Н.

Путаны нелёгкого поведения / С. Н. Ходоров — «Инфра-Инженерия», 2018

ISBN 978-5-9729-0225-5

Главный герой романа Леонид Могилевский горячо любит свою жену. Но вот незадача: интеллектуальная и романтическая Светлана более чем прохладно относится к интимной части супружеской жизни. В противовес жене половые гормоны Леонида настроены супер активно. Не желая заводить серьёзные отношения на стороне, он решает прибегнуть к услугам жриц любви. В какой-то момент контакты с современными гетерами превращаются в неотъемлемую часть его жизни. Описание социальных, психологических и эротических аспектов взаимоотношений Леонида с современными путанами и является фабулой этого романа.

УДК 82(1-87)

ББК 84

ISBN 978-5-9729-0225-5

© Ходоров С. Н., 2018

© Инфра-Инженерия, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Самуил Ходоров

Путаны нелёгкого поведения

Автор выражает глубокую признательность Геннадию Шлайну за ценные замечания, содействующие улучшению содержания романа.

Все имена и фамилии, названные в этой книге, являются вымышленными, а любые совпадения – случайными.

Глава 1

После свадьбы

Леонид проснулся от заунывных и протяжных раскатов уже начавшейся грозы. Яркие сполохи молний бесцеремонно ворвались в комнату и озарили на мгновение настенный календарь. На нём чернеющими отсветами проступала сегодняшняя дата: 13 мая 1980 года, понедельник. По всем известным Леониду приметам и суевериям, как число, выражающее чёртову дюжину, так и самый тяжёлый день недели не предвещали ничего хорошего. Вдобавок к этому и високосный год не сулил особых благ в совершении чего-либо значимого в этот период.

В другой день Леонид вряд ли бы обратил внимание на багровые вспышки молний, високосные чёртовы дюжины и угнетающие понедельники. Но на сегодня, 13 мая 1980 года, понедельник, Всевышним был назначен день его первого и, как он надеялся, последнего бракосочетания. По правде говоря, у Создателя была куча других неотложных дел, и поэтому дата свадьбы была определена лично его невестой, Светланой Вайнштейн.

Несмотря на то, что жених получил атеистическое воспитание, он безоговорочно верил в некоторые суеверия. В противовес своему суженному, Светлана воспринимала все эти приметы с точностью наоборот. Число «13» для неё было самым счастливым. Она терпеливо объясняла Леониду, что, по образному выражению фантастов Стругацких, несчастливый понедельник начинается в святую субботу и что напрасно люди-дикари из «Бриллиантовой руки» хотели его отменить. Завершающим аргументом Светланы в назначении свадьбы в високосный год был почему-то факт рождения Папы Римского Павла III 29 февраля. Какое отношение понтифик эпохи Ренессанса имел к грядущей свадьбе, Леониду было неизвестно. Не обрадовал его и выбор месяца мая в качестве свадебного. Соединять судьбы в мае значило всю жизнь маяться. Так говорили в народе, и, видимо, неспроста на Руси период свадеб начинался в июне. Грядущие события покажут, что суеверия могут иногда и сбываться. Но сегодня, даже когда важный чёрный кот не спеша преградил путь свадебному кортежу, везущему молодожёнов в городской Дворец бракосочетаний, в это не очень хотелось верить.

События сегодняшнего дня проносились, как в каком-то мистическом калейдоскопе, в котором нереального цвета картинки мелькали с невероятной быстротой. Грозовое шумное утро уже успело кануть в Лету, как будто его никогда и не было. Леонид уже забыл, как при сверкающих молниевых вспышках он, словно управляемый робот, на полном «автопилоте» брился, принимал успокаивающий от подступившего волнения душ. Забыл, как облачался в модный кофейного цвета костюм, пошитый, по наводке Светланы, у самого крутого закройщика Томска и его окрестностей. Он не помнил, как, впопыхах проглотив одним залпом чашечку утреннего кофе, с огромным букетом ярко-красных роз взбегал на последний пролёт девятиэтажки, не имея терпения дождаться медленно сползающего лифта.

Когда же, наконец, пышнотелая и торжественная служительница службы бракосочетания строгим фальцетом спросила: «Прошу вас ещё раз подтвердить, является ли ваше решение стать супругами искренним, взаимным и свободным?» – Светлана кокетливо запрокинула изящно причёсанную в лучшем парикмахерском салонеголовку вверх, словно призывая небеса помочь ей с ответом на этот непростой вопрос. После затяжной паузы, когда все уже решили, что свадьба может и отмениться, она не своим голосом выдавила из глубины души своё неуверенное «Да».

– А теперь прошу ответить Вас, жених, – как из-под земли донёсся до обострённого слуха Леонида несколько удивлённый голос распорядительницы обручального культа.

Жених же, вдруг вспомнив увиденное в каком-то американском вестерне бегство невесты прямо от алтаря через открытую дверь церкви, на всякий случай быстро произнёс громо-

гласное «Да». Причём это «Да» Леонид второпях прокричал многократно так громко, что в зал регистрации торопливо вбежал наряд милиции, полагая, что налицо имеются определённые беспорядки. Беспорядок на самом деле витал в ещё трезвой голове Леонида, который не мог прийти в себя от пережитых мгновений возможного отказа Светланы стать его женой. Его сомнения тут же развеяла церемониальная дама, которая пафосно произнесла:

– С вашего взаимного согласия ваш брак зарегистрирован. Объявляю вас мужем и женой!

Только когда улыбающаяся Светлана нежным прикосновением надела на безымянный палец Леонида обручальное кольцо, окружающий мир обрёл для него реальные краски. Он понял, что Всевышний подарил ему великолепную женщину, которой, по его милости, предстоит обладать всю оставшуюся жизнь. Новоявленный супруг ещё не ведал, что до нарисованного в его юношеских фантазиях обладания было также далеко, как до тех мест, где восседал сам Господь.

Первую ночь, которую принято называть брачной, молодожёны должны были провести в квартире родителей Леонида, которых он предусмотрительно отправил на дачу. Несмотря на то, что в эту ночь жених по статусу уже являлся мужем, по половому признаку он ещё оставался мальчиком. Правда, мальчиком целованным, может быть, даже дюжиной ранее нецелованных девушек на школьных старшекласных вечеринках, студенческих капустниках и в туристских походах. Однако как первичные, так и вторичные половые признаки неискушённого в сексе Леонида требовали немедленной реализации нарастающего в геометрической прогрессии генитального влечения. Ведь, в конце концов, несмотря на то, что наш мальчик-муж прожил в этом двуполом мире уже четверть века, кроватные отношения между мужчиной и женщиной ограничивались для него чисто теоретическими познаниями.

Нельзя сказать, что Леонид не пытался перевести эти отношения в практическую плоскость. Но как-то не складывалось. То ли выбранная плоскость не трансформировалась в подobaющее ложе, то ли с сексом в СССР был ничем не оправданный кризис, а скорее всего, сперматозоиды Леонида никак не могли доплыть до желанной русалки, до места их естественного назначения.

Долгожданная русалка появилась совсем не из голубоватой морской бездны, а в прозаической очереди за колбасой под названием «Краковская». Наверное, в стольном польском граде под названием Краков у местных панов и паненок эта колбаса не вызывала такого ажиотажа, как в сибирском городе Томске. Ну и спасибо им за это. Иначе бы Леонид никогда бы и не познакомился со Светланой, стоявшей в этой чуть ли не километровой очереди. Она, коснувшись заснеженной рукавичкой плеча Леонида, проходившего мимо, вежливо проворковала:

– Извините меня, пожалуйста, за бесцеремонность, но, может, вы постоите вместо меня здесь пять минут, а то я очень продрогла и хочу заскочить погреться в булочную напротив.

Леонид не успел сказать ни да, ни нет, как прекрасная незнакомка в белой кроличьей шубке подтолкнула его в просвет очереди и упорхнула в невидимую булочную.

Надо отдать должное терпению Леонида, который вместо обещанной пятиминутки мерзнул в колбасной очереди чуть ли не час. Он ещё не понимал, чем эта белая шубка зацепила его, едва успев произнести всего несколько слов, и ждал её, как ждут яркое солнце посреди разгулявшейся снежной пурги. Солнышко явилось, когда Леонид уже подходил к прилавку. Благодаря его терпению, купленный мясной продукт, источая аппетитный запах, успешно переключал в её сумочку. Когда они вышли из магазина, солнышко в белой шубке протянуло Леониду руку и смущённо пролепетало:

– Спасибо Вам большое! Вы меня здорово выручили. У меня сегодня день рождения, и добытая с вашей помощью копчёная колбаса будет совсем не лишней на столе, который готовит моя мама.

Леонид, сообразив, что долгожданная русалка сейчас упорхнёт в туманную пучину, схватил ее за рукавичку и делано пробасил, сам удивляясь собственной смелости:

– Ну нет уж, девушка, я считаю, что в знак благодарности за украшение стола этим польским продуктом я заслужил приглашение на день рождения, с которым вас и поздравляю.

Светлана посмотрела на Леонида припорошенными ажурными снежинками глазами и неожиданно как для себя, так и для него чуть слышно прошептала:

– Ну что ж, приходите. Посмотрим, что из этого получится.

Получилось, что пойманная в колбасной очереди русалка в данный момент, положив руки на плечи Леонида, под звуки волшебной мелодии из кинофильма «История любви» танцевала с ним первый танец, открывший свадебный вечер в томском ресторане «Славянский базар». Получилось, что именно сегодня тестостерон Леонида, по всем его ожиданиям, должен был впервые выполнить своё природное предназначение и в будущем продолжать это долгие годы.

Но, как говорят, человек предполагает, а Бог располагает. Леонид даже в страшном сне не мог предположить, что заместником Бога в части расположения окажется отец Светланы Самуил Наумович Вайнштейн. Новоиспечённый тесть, профессор, заведующий кафедрой хирургии медицинского института в качестве свадебного подарка торжественно вручил им путёвки в круиз на флагмане Черноморского пароходства теплоходе «Адмирал Нахимов». Белоснежный лайнер отправлялся из города-героя Одессы завтра вечером. Сегодня же молодожёны сразу после ресторанного торжества должны были отправиться в аэропорт. Им предстояло транзитом через Москву ночной полёт в цветущий в акациях город, где родились Михаил Жванецкий, Роман Карцев и Лариса Долина.

В свою очередь, запроектированный полёт тестостерона в первую брачную ночь откладывался на неопределённое время, вместо него намечался совсем другой полёт на воздушном лайнере ТУ -134. Как и предполагал Леонид, романтикой здесь даже не пахло. Потускневшее здание аэровокзала было залито серой пеленой морозящего дождя. Внутри помещения хаотично толпился суетящийся народ, которому непременно захотелось в эту промозглую ночь взлететь в заоблачную высь. Рейс на Москву задерживался по метеоусловиям столицы. Все сидячие места в зале ожидания были заняты. Уставшая от ресторанной свадебной сутолоки, Светлана, час назад сменившая белоснежную фату на велюровый фиолетовый берет, устало подпирала давно некрашеную стену аэровокзала. Леонид, выбиваясь из давно уже растроченных сил в этот нескончаемый день, как только мог, веселил Светлану, расписывая прелести предстоящего морского путешествия. Молодая жена мученически извлекала из себя жалкое подобие улыбки, пока, наконец, через какое-то время не оказалась в кресле самолётного салона. Леонид, осторожно приподняв голову Светланы, хотел было подарить её устам нежный поцелуй, но молодая жена уже тихонько посапывала, непроизвольно сжимая его руку. Вот такая после-свадебная романтика, такая вот первая брачная ночь на десятикилометровой высоте с видом на мерцающие звёзды в иллюминаторе.

Ранним утром предпосадочная ситуация повторилась с той лишь разницей, что она происходила не в Томске, а в столичном аэропорту Внуково. Светлана, в отличие от Леонида, не была искушённой путешественницей. Дальше пионерских лагерей и университетской базы отдыха, расположенных не далее полусотни километров от города, ей бывать не приходилось. Поэтому изнеженная Светочка, ступив поздним вечером на борт сказочного круизного лайнера, еле нашла в себе силы чуть ли не доползти до каюты, в которой тут же повалилась на корабельную полку и заснула крепким, ещё девичьим, сном. Обескураженный Леонид тем временем тщетно искал символическое разбитое корыто, у которого он очутился волею неисповедимой судьбы, благодаря незабвенному презенту дорогого Самуила Наумовича.

На самом деле разбитым было вовсе не корыто, сокрушена была его хрустальная мечта, которую он лелеял буквально с первого дня знакомства со Светой. С этого знаменательного дня прошло более полугода, а сладостное ожидание первой брачной ночи и предвкушение чувственной и плотской любви по-прежнему оставались прерогативой приятных сновидений.

Не успокаивало даже то, что первая ночь после свадьбы прошла на небесах, а вторая – на черноморских волнах, которые несмело подглядывали за молодожёнами в иллюминатор, но так ничего и не увидели.

К третьей ночи Леонид готовился, словно стратег к решающему сражению, и в этой роли он сделал всё, чтобы успешно выполнить задуманное. Но, похоже, в полководцы, равно как и в военачальники, не годился. Он скорее был мелким тактиком, чем масштабно мыслящим стратегом. Его романтики хватило только на то, чтобы, пока Светлана дышала на палубе морским воздухом, сбегать в парходный бар, прикупить там бутылку шампанского, какие-то не очень свежие пирожные и выпросить у бармена две маленькие, уже бывшие в употреблении свечки. Когда молодая жена вернулась с вечернего палубного моциона, то увидела на миниатюрном каютном столике два бокала с шампанским, в которых при бледно-мерцающем свете, исходящем от свечных огрызков, серебрились и хаотично двигались искристые пузырьки.

– Ой, как романтично! – искренне прошептала она, непроизвольно вцепившись в бокал, поданный Леонидом. Потом не спеша преподнесла его к губам, и вдруг чуть ли не залпом осушила половину содержимого.

Леонид нервно передёрнул плечами, не понимал, что творится с его любимой. Несмотря на то, что женщину до конца понять невозможно, ему всё-таки за полугодовое знакомство со Светой удалось изучить некоторые её пороки. Один из них, по его мнению, состоял в том, что она не переносила даже слабого запаха любого алкоголя. Леонид, посмеиваясь, называл это неординарное явление не иначе, как «тяжёлой наследственностью», передавшейся ей от совсем не пьющего отца. Самуил Наумович, работавший во время войны хирургом во фронтовом госпитале, расходовал положенный ему по должности спирт исключительно в лечебных целях и никогда не позволял себе употреблять его вовнутрь. Этот редкий генетический код, очевидно, передался и любимой дочке.

Однако сегодня почему-то этот код не сработал. Уже через четверть часа тонизирующее «Советское шампанское» оказало на Светлану противоположное действие. Леонид, который нежно пытался освободить жену от ненужной ему одежды, вдруг ощутил, как гибкое тело её неожиданно обмякло и по закону всемирного тяготения стало медленно оседать на каютный пол. Он испуганно схватил её на руки и положил на заранее расстеленную постель. Устраиваясь удобно на подушке, Света промямлила что-то невразумительное и, повернув голову к пластиковой панели, окаймляющей спальную полку, провалилась в глубокий и беспробудный сон. Растерянный Леонид уже собирался бежать в корабельный медпункт, как вдруг сообразил, что виной этого незапланированного приключения является непривыкший даже к малой дозе алкоголя организм его возлюбленной. Проснувшись новоявленная Джульетта только к полудню следующего дня, непонимающе взирая на уже холодный завтрак, заботливо принесенный мужем из ресторана. Вконец расстроенный «Ромео» молча поклялся себе больше никогда не соблазнять свою любимую жену даже малой дозой алкоголя. В конечном итоге получалось, что даже самая изощрённая тактика вряд ли принесёт удачу, если не учтены все, даже самые мелкие детали.

Тем временем круиз шёл своим чередом. Теплоход не спеша огибал Крымский полуостров, приближаясь к его жемчужине – городу Ялте. Уже через час семейство Могилевских уютно устроилось на ресторанной террасе, расположенной на 40-метровой скале под названием Ласточкино гнездо. Узнав, что ранее это уникальное строение называлось Замком Любви, Леонид, взглядывая в лазурную черноморскую даль, простирающуюся перед ним, прикоснулся губами к нежной руке своей жены и в романтическом экстазе чуть ли не простонал:

– Светочка, я безумно люблю тебя и готов просидеть с тобой на этой скале всю свою жизнь. А ещё я хочу, чтобы у нас родилась очень красивая, похожая на тебя, девочка.

Он продолжал беспрестанно целовать руки своей Светлане и, наконец, вдохнув порцию живительного морского воздуха, смущённо выдохнул из себя:

– Светик, прошу тебя, очень, не знаю даже, как это сказать, но мне очень хотелось бы, чтобы зарождение нашей доченьки произошло уже сегодня.

Светлана медленно приподнялась из-за стола, как-то странно взглянув на мужа, повернулась к нему спиной и подошла к ажурной балконной ограде. Она долго всматривалась в морскую пучину, пенящуюся внизу, и, не отрываясь от этого видения, тусклым извиняющимся голосом изрекла:

– Сегодня не получится, милый. Так уж сложилось, извини, что именно сегодня у меня начались месячные.

Леонид не сразу сообразил, о чём вообще идёт речь. В голове у него стучали молоточки, под незвонкие удары которых в сознании выскакивали слова: «месячные», «годовые», «недельные». Он не сразу догадался, что речь идёт о «критических днях», которые ежемесячно бывают у каждой молодой и здоровой женщины. В ближайшие полчаса молодой муж почувствовал, что критические дни бывают и у мужчин. Ткани его гениталий затвердели и налились кровью. Любое прикосновение к ним стало весьма болезненным. Нечто подобное случалось и раньше, когда, проснувшись среди ночи, он грезил близостью со Светланой. Но таких болей в нижней части живота, в паху и в половом органе не было. Через четверть часа это прошло, а Леонид понял, что причина боли кроется в мысленном сексуальном настрое и последующей невозможности осуществить, как впоследствии называла это Светлана, свои самые низменные желания. Когда же жена поведала Леониду, что менструация продолжается у неё 5–6 дней, он и вовсе пал духом. Путём несложных вычислений получалось, что дата окончания «месячного кризиса» Светланы в точности совпадает с днём окончания морского круиза. Яркое южное солнце, пронизывающее кипарисовые кроны, мгновенно погасло в глазах Леонида. Белый парусник, блуждающий у прибрежной скалы, вдруг преобразился в разбитое корыто, которое снова пригрезилось ему. Неудачливый супруг подозвал официанта и, несмотря на протесты Светланы, заказал себе 150 граммов водки. Он с наслаждением влил в себя эту небольшую порцию элитного советского напитка под названием «Столичная», пробормотав про себя:

– Ну что же, Лёня, жизнь продолжается. Правда, не в том ключе, как было задумано. Да и ладно, будем наслаждаться морским круизом без его эротической составляющей. Как говорится, не сексом единым прекрасна наша жизнь.

Так получилось, что первая близость молодых супругов случилась только через месяц после свадьбы. Они уже давно вернулись с южных берегов Крыма и Кавказа, приступив к трудовым будням: Света работала экономистом в отделе труда и зарплаты на электромеханическом заводе, а Леонид – инженером связи на телеграфно-телефонной станции. Слова давнего коммунистического шлагера «трудовые будни – праздники для нас» в какой-то степени оправдывали свой смысл. Приход на работу являлся для молодого мужа погружением в другую реальность, и он забывался от наворотов своего всё ещё продолжающегося медового месяца. Ведь близость, которая должна была являться ореолом этого сладчайшего периода их совместного функционирования, была платонической. Ведь нельзя же было назвать настоящими супружескими отношениями только то, что их ночлег проходил в одной постели. При этом, когда Леонид заикался о желательном исполнении супружеских обязанностей, Светлана непременно негромко вздыхала, закатывала глаза и ссылалась на головную боль, не подозревая, что эта причина стала нарицательной при отказе женщины от секса. Когда же эта тирада, принявшая уже форму избитого клише, стала повторяться изо дня в день, обессиленный от ежедневного сдерживания, Леонид в сердцах гневно выкрикнул:

– Светочка, ну не может же каждый вечер болеть голова. Да и извини за грубость, дорогая, но акты любви, насколько мне известно, выполняются не головой, а другими органами.

Светлана в упор просверлила своего мужа уничтожающим взглядом и, слабым голосом выдавив из себя: «Когда, Лёня, болит голова, хочется только одного – сразу лечь и заснуть»,

нырнула под одеяло, повернувшись к нему спиной, облачённой в наглухо застёгнутую ночную пижаму.

Но самое любопытное, что на следующий день вульгарная фраза Леонида возымела положительный эффект. Когда поздно вечером он вошёл в их спальный будуар, у него потемнело в глазах. Возле их супружеского ложа, которое ещё до сих пор не использовалось по целевому назначению, стояла обнажённая Светлана. С распущенными волосами, скрестив руки на полной, но упругой груди, широко открытыми, чуть испуганными глазами, она неотрывно смотрела на Леонида. Лишь на мгновение заглянув в них, он скорее ощутил, чем уяснил, что сегодня эти глаза напротив совсем не против того, что долгое время грезилось ему в эротических снах.

Первый раз в жизни Леонид увидел неприкрытую наготу своей супруги. Надо сказать, что зрелище было волнующим и возбуждающим. Светлана, по складу характера, была более чем серьёзной девушкой. Советский человек эпохи Н. Хрущёва и Л. Брежнева согласится, что золотую медаль в школе и красный диплом по окончанию университета для мадемуазель с фамилией Вайнштейн заполучить было практически невозможно. И кто бы мог подумать, что сейчас эта обстоятельная обладательница золотой медали и красного диплома повернётся к Леониду спиной и на несколько минут замрёт в позе совсем не вульгарной стриптизёрши. Как в ускоренной киносъёмке манящие округлые ягодички Светланы сменились изящным и заветным чёрным треугольником между вертикалями её стройных ног. Перед Леонидом в зеленоватом отблеске прикроватного торшера вырисовались контуры очаровательного женского тела, напоминающего гитару, привлекающий гриф которой являл собой узкие плечи и прямую статью его жены, а расширяющаяся в обе стороны дека очерчивала пышные соблазнительные бёдра.

В то же мгновение всё тело Леонида превратилось в натянутую тетиву, расслабленные после плотного ужина мышцы напряглись, и он, уже не владея собой, бросился к ногам Светланы и стал осыпать их поцелуями. Прикоснувшись губами к ступням и щиколоткам, он постепенно передвигал свои уста к голени, а затем к бёдрам, пока не добрался до чернеющих лобковых волос. Тут уже его охватила всеобъемлющая пульсирующая дрожь. Теряя способность мыслить адекватно, он успел скорее подумать, чем прошептать самому себе:

– Только ради этого момента стоило жениться на Светланке. Только ради этого стоить жить. Я дождался своего звёздного часа.

Не совсем послушными руками он сбросил с себя неглиже, неистово схватил Свету на руки, упал вместе с ней на постель и, так же дрожа, без всяких слов и прелюдий вошёл в её сухое лоно. Несколько минут пребывания там показались ему блаженной и сладостной, ни с чем не сравнимой вечностью. Только сдавленные стоны Светланы и едва заметные алые капельки на белоснежной простыне привели Леонида во вменяемое состояние. Он нехотя отодвинулся от жены, осыпая её лицо нежными непрекращающимися поцелуями.

Светлана лежала с закрытыми глазами, а её изящное обнажённое тело продолжало посылать Леониду невидимые завлекающие импульсы. Он снова привлёк к себе жену, одной рукой мягко прикасаясь к разбухшим бугоркам груди, а второй – поглаживая внутреннюю поверхность аппетитных бёдер. Но молодая жена неожиданно резко отстранилась от него и полусшёпотом, как бы с усмешкой, произнесла:

– Мавр сделал своё дело, мавр может уходить!

«Мавр» сразу понял, что эта фраза была сказана в весьма серьёзном аспекте и отнюдь не в ироническом тоне. Его взгляд всё ещё метался по изящной и такой желанной наготе Светланы, его кровеносные сосуды ещё были расширены от пока не погаснувшего возбуждения, а внутренний голос в мозговых извилинах, как Юрий Кукин в известной песне, вопрошал:

– Что же, что же не так, не так, что же не удалось?

Отнюдь не самый плохой на свете человек Леонид Могилевский никогда не причислял себя к последователям самого знаменитого любовника в мире Джакома Казанова и, уж тем

более, ничего не слышал о теории Зигмунда Фрейда о психосексуальном развитии. Другими словами, был сущим дилетантом в области интима между мужчиной и женщиной. Леонид не очень-то и представлял, как следует себя вести во время постельной связи с женой. Ну а линия поведения и психология женщины во время секса вообще были ему неизвестны. Если бы он нашёл бы в себе силы во время сексуального напряжения взглянуть на Светлану, то наверняка бы обратил внимание на её безучастное выражение лица, на котором можно было прочесть только одно:

– Когда же закончится этот кошмар?

И здесь Леонид вправе был бы задать себе вполне резонный вопрос:

– Кому же, к чёртовой матери, нужен такой секс, когда удовольствие получает только одна сторона, когда нет именно взаимного желания одновременно достичь наивысших сладострастных ощущений?

Но «у матросов нет вопросов», не было их и у Леонида. Хоть первый блин вождления был испечён не идеально, запах интима в дальнейшем всё-таки витал в спальне молодой семьи. Правда, отдавал он каким-то, не совсем понятным, душком. Но Леонид не обращал на это внимания, ликуя в душе, что после месячного голодания «лёд тронулся» и два раза в неделю он исправно производил, по образному выражению Светланы, никчемные телодвижения, называемые супружескими обязанностями.

Лёд тронулся, но не растаял. Прошло несколько месяцев, и Леонид обратил внимание, что эти самые обязанности ему позволялось выполнять в одни и те же дни: в понедельник и в пятницу. Когда же он выразил мнение, что неплохо бы заниматься любовью и в субботу, и в воскресенье, Светлана грустно промолвила:

– Любовью, дорогой, не занимаются, ею дышат, ею живут, её чувствуют, любовью наполняют жизнь. Что же касается графика нашего интима, то он остаётся неизменным, а в выходные дни надо отдыхать и физически, и эмоционально, а не озадачиваться сексом.

Слова Светланы больно ударили по самолюбию Леонида, но он оставил их без комментариев, понимая, что спорить просто бесполезно, а выпрашивать у любимой каждый день по чайной ложечке секса было не только бессмысленно, а и унижительно. Постепенно он привык к такому устоявшемуся режиму постельного функционирования, и совместная семейная жизнь монотонно катилась по рельсам ежедневного бытия.

Как ни странно, но отсутствие гармонии в половой сфере никоим образом не повлияла на духовную жизнь четы Могилевских. Чувственный тромб, залетевший зимней порой в сердце Леонида в незабвенной очереди за колбасой, до сих пор испускал импульсы ещё не утраченной любви к Светлане. Он не просто любил, он её боготворил. Он думал о ней, если и не каждую минуту, то каждый час, всё время придумывая, чем порадовать Светочку сегодня, не забыть бы купить завтра, что подарить послезавтра и как провести выходные дни.

В свою очередь, Света, хоть и не обожествляла Леонида, но по-своему любила его, правда, какой-то странную любовью, любовью сдержанной и очень скрытой. Возможно, эта строгость в проявлении сердечной склонности перешла к ней от матери, которая, конечно же, в душе очень дорожила своим мужем. Однако Света ни разу не видела, чтобы она, хотя бы невзначай, при ней поцеловала или хотя бы обняла отца. Маловероятно, что это обиходное бесстрастие могло в постели трансформироваться у неё в негасимое пламя сексуального азарта. Похоже, что у любимой её дочки Светланки наблюдался похожий рецидив.

Было очевидно, что интимная близость не вызывает у Светы должного сексуального возбуждения, Леониду даже казалось, что она испытывает отвращение к половым отношениям и поэтому не возбуждается, когда он прикасается к самым чувствительным зонам её молодого и прекрасного тела. Его заветной мечтой стало разбудить в ней женщину, которая ответит на пылкие желания мужа неземным совместным удовлетворением.

Свет на непонятное поведение Светланы в интиме пролил сексолог, с которым Леонид случайно познакомился в элитной сауне. Он доступно объяснил, что, судя по всем признакам, у его супруги наблюдается конституционная форма фригидности. На этот раз виновницей обильного потоотделения у Леонида явилась вовсе не финская баня. Оно началось, когда доктор, занимающийся патологиями в эротике, прокомментировал предполагаемый диагноз его жены. Он растолковал Леониду, что при этой самой тяжёлой форме фригидности имеет место полное отсутствие как либидо к противоположному полу, так и оргазма при половой близости. В дополнение к этому, эрогенные зоны не имеют чувствительности к раздражениям. На вопрос подавленного Леонида, что же ему со всем этим делать, эскулап по интиму успокоил его, сказав, что жене надо обратиться к психотерапевту-сексологу. В заключение беседы он подчеркнул, что фригидность женщины – это совсем не пожизненный приговор, вовсе не препятствие для любви и, уж тем более, не преграда рождению детей.

Доктор оказался прав: жизнь подтвердила, что либидо вовсе не является обязательным условием супружеской жизни. Леонид и Светлана жили душа в душу. Продуктом не совсем платонической любви явились две чудесные девочки погодки, которых Леонид любил больше жизни и выкладывался полностью, чтобы внести и свою достойную лепту в их воспитание. В день рождения Светланы, когда они при зажжённых свечах в полумраке ресторанный зала отмечали её тридцатилетие, Леонид, целуя её руки, мягко произнёс:

– Знаешь, дорогая, у меня появился знакомый психотерапевт. Сейчас это стало модным приходить к нему на приём. Знаешь, в Америке, у каждой семьи есть свой психолог. Мне кажется, что тебе надо обратиться к нему.

При этих словах Светлана стремглав привстала из-за стола и, устремив немигающий взор на мужа, гневно спросила:

– Постой, постой, Лёня! Я ничего не пропустила? Ты считаешь меня ненормальной? И почему к психологу, а не сразу к психиатру? Ты что, считаешь меня сумасшедшей, может, мне нужны антидепрессанты, транквилизаторы или ещё какая-нибудь химия?

Леонид уже пожалел, что без всякой преамбулы, без тщательной подготовки сообщил жене о психотерапевте. Она же, не давая собраться ему с мыслями, чтобы как-то загладить и смягчить сказанное, яростно продолжила:

– Да как ты, вообще, смеешь предлагать мне подобное? Кто тебе дал такое право? Тебе надо – ты и иди. Хочешь к психиатру, шаману или к самому чёрту. Может, и вылечат тебя от всяких дебильных мыслей.

– Светочка, милая, – держась рукой за сердце, оправдывался Леонид, – пойми меня правильно. Я ж тебя, не приведи Господь, не на аборт посылаю. Я всего-навсего лишь хотел, чтобы сексолог, ой, прости, пожалуйста, психолог, помог нам улучшить интимную жизнь.

Реакция Светланы была непредсказуемой. Она судорожно замахала руками так, что на столике затрепетал жёлтый язычок свечного пламени. Когда он искристо вспыхнул и неожиданно погас, Светлана со словами: «Спасибо тебе, Лёня! Я этот день рождения не забуду никогда», схватила со спинки стула дождевой плащ и молниеносно выскочила из зала.

Когда Леонид, едва успев расплатиться с официантом, помчался вслед за женой, он заметил шашечную расцветку таксомотора, отъезжавшего от ресторана.

Ничего не оставалось, как вернуться за свой столик, снова подзвать официанта и заказать двухсотграммовый графинчик водки. Так он всегда гасил стрессовое состояние встревоженной души. Вот и сейчас приличная доза алкоголя приглушила стук невидимых молоточков в висках и включила мозговые центры, отвечающие за анализ создавшейся, почти тупиковой, ситуации.

– Что я же такое натворил? За что мне всё это? Хотел же, как лучше, а получилось, как никогда плохо. Господи, чем я провинился перед Тобой, перед Светланой, перед самим

собой? – жалобно спрашивал он, устремив свой уже пьяный взгляд вверх, на красочные ресторанные плафоны.

Всевышний тактично помалкивал, предоставляя подвыпившему мужику возможность самостоятельно разобраться в переплётё, который он сам же и создал собственными словами.

– Если Светлана приняла всё так близко к сердцу, – размышлял Леонид про себя, – то, похоже, она догадывается, о чём идёт речь, она понимает, что проблема существует. Она просто не знает, как её решить. Моя задача помочь ей в этом. Но как?

Не строя никаких конкретных планов, он тут же помчался домой. Забыв сбросить в прихожей верхнюю одежду, он решительно вбежал в спальню, где Светлана уже готовилась ко сну. Не давая жене опомниться, он остервенело затараторил:

– Светик, дорогая, пожалуйста, послушай меня. Я очень и очень тебя люблю. Поэтому я хочу, чтобы не только я, а и ты при нашей близости получала удовольствие. Несколько сеансов со специалистом, и у нас с тобой всё будет в ажуре. Вот увидишь, это совсем не сложно.

Леонид ещё не успел закончить свою жалобную тираду, как Светлана загасила свет. Если бы в этот момент ему довелось бы взглянуть в глаза своей любимой жены, то он увидел бы в них злобный блеск, который они излучают в его сторону, и обильные слёзы. Пряча заплаканное лицо в подушку, она полушёпотом промолвила:

– Лёня, прошу тебя, давай больше никогда к этой теме не возвращаться. Я накладываю на неё табу.

Просьба Светланы была исполнена. Этот строжайший запрет больше никогда не нарушался ни одной из сторон на всём протяжении их совместной жизни.

Долгое время бытовало мнение, что мужчины каждые семь секунд думают о сексе. Недавние исследования французских учёных установили, что это вовсе не соответствует истине. Оказалось, что мужчины думают о половых отношениях в среднем всего 19 раз в день, причём о еде – 18, а о сне – 11 раз в день.

Леонид не причислял себя к маньякам, которых называют сексуальными. Возможно поэтому запрещённые советской идеологией мысли брали у него меньше времени, чем среднестатистические. В то же время он никогда не делал культ из еды и не увлеклся пересыпом. Вместо этого много думал о путешествиях, которые очень любил, потому как не представлял себе свою жизнь без перемещения в пространстве и во времени. Охоту к перемене мест заложила в нём старенькая учительница географии, которая души не чаяла в ученике, которого даже виртуальное пересечение меридианов и параллелей привлекало гораздо больше, чем математические формулы и литературные персонажи в произведениях русских классиков.

В противовес своему мужу, Светлана была ярким приверженцем тех, для кого их дом являлся их же крепостью. Конечно, ей приходилось выходить на работу и возвращаться потом домой. Это, пожалуй, было её единственным необходимым общением с социумом. Она, в отличие от мужа, не любила шумных сборищ, больших компаний, дней рождения, на которые надо было приходить, и пикников, в которых надо было участвовать. Да и на улицу Светлана выходила только в случаях крайней необходимости. Почти все покупки в магазинах делал Леонид. Отводить детей в садик, забирать их оттуда, выгуливать в парке, ходить с ними в кино-театр на мультфильмы, водить на кружки – всё это в совокупности также являлось вотчиной её мужа. Светлана же в часы, свободные от приготовления пищи, наслаждалась сидением в домашних пенатах, посвящая время чтению серьёзной литературы. В этой связи у Леонида возникали весомые опасения, что приверженность к домоседству у Светланы перерастёт в фобию, в боязнь человеческого общения.

Так получилось, что Леониду в один из обычных рабочих дней удалось стать счастливым обладателем двух туристических путёвок на Кавказ, что по тем временам было неординарным приобретением. Он немедленно договорился со своими родителями, что они на время их семейного отпуска заберут девочек к себе. Сложнее оказалась ситуация с женой. Несмотря

на настойчивые уговоры, Светлана категорически отказалась ехать. Никакие увещевания и доводы не помогли. Она со смехом говорила, что «эти горы она видела в телевизоре» и что «умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт». Таким образом, Леонид был выставлен «дураком», который зачем-то жаждал покорять горные вершины. Более того, ему было разрешено, если уж так хочется, ехать на Кавказ одному. Ох, как же не хотелось Леониду оставлять молодую жену, но стремление увидеть заснеженные вершины Приэльбрусья перевесило. Он уступил путёвку Светланы своему сотруднику Васе Мартыненко, и через неделю Томск остался за бортом самолёта, взявшего курс на кавказский город с необычным названием Минеральные Воды.

Глава 2

Момент истины

Романтическая фишка этого путешествия состояла в том, что, в отличие от других отпускных поездок, никто не предлагал поворачивать голову налево и направо, чтобы осмотреть старинный костёл, барочный фронтон какого-нибудь театра или руины древней крепости. Не надо было ночевать в гостиницах, где утром надо было складывать чемодан, чтобы переехать в другой город с похожими достопримечательностями. Не надо было в обеденное время, когда руководитель группы давал всего один час на перекус, искать в незнакомом городе столовую для поддержания жизненного баланса.

Здесь всё было по-другому. Каждый день группа, в которой были Леонид и Василий, ранним утром выходила на маршрут. Как правило, это было восхождение на заснеженный перевал высотой около трёх тысяч метров и спуск с его крутой, покрытой небольшими ледниками и фирновыми полями поверхности. Группа подобралась, как на подбор: все туристы были примерно одного возраста, в диапазоне от 25 до 30 лет. Интересно, что чётное их количество поровну делилось по половому признаку: первую половину группы составляли молодые мужчины, а вторую – ещё более молодые, и от этого более привлекательные, женщины.

Ещё в Терсколе на местном базаре, где инструктор посоветовал всем по сходной цене приобрести вязаные шерстяные шапочки, Леониду бросилась в глаза стройная, совсем некрашенная блондинка. Точнее, его взгляд сначала остановился не на её симпатичном лице, а на похожей на маленький трамплин, манящей, неприкрытой бюстгалтером груди, которая едва не выбилась из-под белого сарафана, когда она нагнулась, чтобы рассмотреть шапочку, которую держал Леонид. В тот момент он и не предполагал, что очень скоро наступит момент, когда его слегка дрожащие, шаловливые ручонки взберутся на этот трамплин. Ещё более неожиданно было то, что это произошло буквально на следующий день, а точнее, уже на следующую ночь.

Вечером, когда их группа спустилась с обрывистого, искрящегося на солнце снежного перевала, мужчины принялись разбивать палатки, а женщины – готовить нехитрый походный ужин. Уже через час на лесной поляне красовалась дюжина серебристых двухместных палаток, а совсем рядом подрагивали красные язычки пламени небольшого костра. Леонид уже было принялся уминать поданную ему гречневую кашу с тушёнкой, как к нему подбежал взволнованный Василий и, бесцеремонно схватив за руку, оттащил от огня к палаткам.

– Что случилось, Вася? – сердито завопил Леонид, глядя на бегающие глаза приятеля.

– Послушай, Лёня, – размахивая невпопад руками, прогундосил Василий, – я тут снял девушку. Короче, что объяснять долго, я с ней сегодня буду спать.

– А как на это посмотрит твоя милая Танюша? – не без ехидства поинтересовался Леонид, имея в виду его жену.

– Во-первых, дорогой, жена – это не капитальная стенка, можно и отодвинуть на короткое время, – как-то не очень искренне рассмеялся Василий, – а во-вторых, кавказский хребет закрывает прямую видимость из Сибири, так что моя Таня ничего не увидит.

– Тебе виднее, – прервал его Леонид, – но я-то здесь причём?

– А притом, что я буду спать в её палатке, – безапелляционно заявил Василий, – а её подруга с тобой в нашей. Только не надо мне говорить, что ты высокоморальный советский человек, примерный семьянин и всегда верен своей Светочке и что...

Он не успел договорить, так как из-за его спины неожиданно выскочили две девушки. Одна из них схватила Василия за руку и решительно увлекла в направлении догорающего костра.

Леонид, оторопевший от наглости приятеля, хотел было догнать его, чтобы отторгнуть не скреплённую ни печатями, ни даже словом сделку, но стоявшая напротив него светловолосая девушка протянула ему руку и едва слышно сказала:

– Ну что ж, раз так получилось, давайте знакомиться, меня зовут Илга.

Леонид, взглянув на неё, усиленно вспоминал, где уже видел эту вязанную красную в белый горошек, похожую на мухомор, шапочку. Кто-то из туристов, проходя мимо, неожиданно осветил лицо его собеседницы фонариком. От увиденного у Леонида закружилась голова. Он признал в ней блондинку, которая, как магнитом, притянула его взгляд к своей груди в безлифчиковом сарафане на базаре. Она же, смущённо переминаясь с ноги на ногу, с хорошо заметным нерусским акцентом продолжила:

– Так уж получилось, вы извините, что моя подруга прогнала меня к вам в палатку.

Леонид, разгребая носком своего ботинка «вибрам» лесной валежник, сосредоточенно молчал и неритмично дышал, не зная, что ответить девушке.

Новая знакомая вдруг приподнялась на цыпочки, нежно дотронулась до его плеча и, заглянув Леониду в глаза, мягко произнесла:

– Да не волнуйтесь вы так, всё будет хорошо, я вас и пальцем не трону.

Леонид окончательно растерялся, думая про себя:

– Чёрт бы побрал этого Васю с его инсинуациями. Да и вообще, чёрт возьми, непонятно, что происходит. Надо же докатиться до такой жизни, чтобы сексапильная блондинка уговаривала меня не бояться её. Хорошего же она мнения обо мне как о мужчине.

Вслух же он, широко улыбаясь, быстро проговорил:

– Меня зовут Леонид. Прошу, если не любить, то хотя бы жаловать. А вы, наверное, приехали из Прибалтики.

– Точно! Я родилась и выросла в Риге, – почему-то просияла Илга. – Жаловать я вас уже обещала, а вот любить, совсем не гарантирую.

Не найдя, как продолжить разговор, обескураженный Леонид, вспомнив, что не доел свою кашу и не выпил вечерний чай, неопределённо взмахнул рукой и побежал к костру заканчивать свою трапезу.

Когда же он осторожно заполз в совсем непросторную палатку, Илга, облачённая в шерстяной спортивный костюм, уже лежала на брезентовом дне, чуть коробившемся от подстеленного под ним елового лапника. Она поспешно приподнялась на локти и негромко сказала:

– Леонид, я вас попрошу, если не трудно, принести с турбазы одеяла, которые обещал выдать нам инструктор. А то, похоже, ночь будет холодной.

На самом деле ночь выдалась чрезмерно жаркой, и одеялами, принесёнными Леонидом, укрылись только к утру. Кто же мог знать, что латышское имя Илга трактуется как мечта и страстное желание. Да и разве мог Леонид предположить, что это самое желание проснётся у Илги именно сегодня ночью.

Вначале всё было вполне благопристойно. Как и подобает незнакомым людям, они повернулись спиной друг к другу и сделали вид, что собираются заснуть. Но разве можно спокойно отойти в царство сновидений, когда вплотную к тебе прижались два полушария тёплых ягод полузнакомой блондинки из дружественной республики. Перед отходом ко сну инструктор предупредил, что надо хорошо выспаться, поскольку завтра предстоит тяжёлый подъём на технически сложный, покрытый ледником перевал. Но уже через несколько минут Илга неожиданно попросила:

– Лёня, ну что же ты лежишь как бревно, обними, пожалуйста, девушку, а то что-то прохладно стало.

Он ещё не знал, что этой ночью его ожидает восхождение на совсем другой перевал.

Что оставалась делать брошенному своим приятелем на произвол судьбы Леониду, ведь если женщина просит, то... Он ещё не успел придумать, что надо сделать в этом случае, как Илга тихо прошептала:

– Лёня, ну в самом деле, разве так обнимают нежную девушку, ты, что, из Сибири приехал?

– Я действительно из Сибири, из самой её центральной части, из города Томска, понуро согласился Леонид.

– И что, у вас там все такие холодные мужчины? – игриво поинтересовалась Илга. – Ты бы ещё как-то границу обозначил между нами, чтобы её, не дай бог, не нарушать.

Не дожидаясь ответа, Илга поведала Леониду вычитанную в какой-то книге историю, которая произошла где-то в здешних краях на Кавказе. Возле какого-то горного селения сошла снежная лавина, которая перекрыла шоссе. Расчистить дорогу обещали только к утру следующего дня. Пассажиров автобуса разместили в этом селе на ночлег. Совершенно незнакомых друг другу мужчину и женщину расположили в сельской мазанке у склона горы. Хозяйка, не спрашивая, в каких родственных отношениях они находятся между собой, постелила на единственно свободном в доме спальном месте, на широкой тахте. Когда укладывались спать, мужчина положил между ними продолговатый диванный валик, обозначив тем самым некий рубикон, который нельзя пересекать. Когда на следующее утро пассажиры шли к готовому к отправке автобусу, дорогу преградила большая и глубокая лужа, образовавшаяся от таяния снегов. Мужчина, видя, что его спутница в нерешительности остановилась, предложил на руках перенести её через преграду. На что женщина вполне мотивированно ответила ему:

– Знаете, мужчина, если вы ночью не осмелились перескочить через маленький плюшевый валик, то вряд ли сумеете преодолеть большую лужу.

После такой оригинальной преамбулы Леонид просто не знал, что делать: плакать или смеяться. Правда, плакать в эту ночь совсем не хотелось. Поэтому он едва слышно пробормотал:

– Ну, что вы, Илга, я даже не думал устанавливать какиенибудь кордоны между нами.

– Вот и чудесно, – обрадовалось Илга. – С этого момента переходим на «ты».

Она достала фонарик и, осветив им узкое пространство палатки, вытащила из рюкзака оригинальную коричневую бутылку. Приложив её горлышко к губам Леонида, она проворковала:

– Попробуй, Лёня, в честь нашего знакомства наш латвийский компот.

По привычке не пригубив, а глотнув предложенный напиток, Леонид моментально обжёг все свои внутренности. Догадавшись, что Илга разыграла его, он невероятным усилием воли заставил себя сдерживать кашель. Кто мог подумать, что предложенный компот окажется настоящим «Рижским бальзамом» 45-ти градусной крепости. Горьковато – сладкий вкус тонизирующего напитка понравился Леониду, и он с удовольствием отпил ещё несколько доз согревающего «компота», оставив в бутылке лишь половину её содержимого. Илга захлопала в ладоши.

– Вот теперь я вижу, что ты из Сибири, – похвалила она Леонида, забрав у него бутылку, чтобы тоже сделать несколько маленьких глоточков.

Ну а дальше произошло то, что и должно было произойти. Разве можно, спрашивается, положить кошку вместе с собакой или ту же кошку рядом с мышкой, не ожидая от этого никаких последствий. Положить, конечно, можно, но эти самые последствия будут просто непредсказуемы. Когда же мужчина лежит в контактной близости от молодой женщины, то итог этого сближения не так уж и трудно предугадать. Леонид не успел даже глазом моргнуть, как Илга одним рывком запрыгнула на него и впиалась своими мягкими податливыми устами в его холодные, чуть обветренные губы. Тут же многоопытная латышка, называя вещи своими именами, преподнесла ему своего рода мастер-класс. Она молниеносно ввела свой язычок в рот Леонида и стала, то увеличивая, то уменьшая колебания, совершать им вращательное движение и сколь-

зять по нёбу, по зубам и вводить его даже за щёки. Позже Илга признается, что такой поцелуй называется французским, а техника его исполнения – «мельницей». Похоже, что французы знали толк в этой поцелуйной технологии. После такого сексуального помола, после такой мельничной прелюдии Леонид впал в какое-то нирванное беспамятство, начисто забыв про свою Светланку, далёкую Сибирь и близлежащий Кавказ. Презрев все приличия, он запустил одну руку под спортивную блузу Илги и, постепенно поднимая её вверх, добрался до бугорка её налитой груди, которую зрительно запомнил ещё вчера на базаре. Вторую руку он бесцеремонно забросил под трико, где упёрся в тугие плавки, стянуть которые было не так легко. Своими поцелуями Илга довела Леонида до неменяемого состояния. Он не помнил, как в палаточной плоскости, не превышающей двух квадратных метров, ему удалось сорвать с неё все одежды, не помнил, как разделся сам, как легко, одним порывом, вошёл в её влажное лоно. В палатке стояла кромешная тьма, и не было видно обнажённого тела Илги. Вместо накатывающегося возбуждения от созерцания её наготы, он получил спазматическое сладостное сотрясение всего тела, от пяток на ногах и до виска на голове. Такого секса, такого животного удовлетворения у него не было никогда. Он готов был врваться в зовущую вагину Илги каждую минуту с тем, чтобы не покидать её никогда. Леонид никогда не думал, что половая жизнь с разными женщинами так неодинакова и по форме, и по содержанию. Он и не предполагал, что женщина может так сильно хотеть его, быть такой инициативной и доводить мужчину до неменяемого состояния. После этой незабываемой ночи Леонид был безумно благодарен Василию, что тот свёл его с такой женщиной. На следующее утро, когда он, с трудом передвигая ноги, поднимался на труднодоступный перевал, лишь царапины от елового лапника время от времени напоминали о бурно проведенной ночи.

Даже после такой сексуальной ночной бури Леонид не питал к Илге каких-то особых чувств романтической влюблённости. Хотя сейчас, шагая вслед за ней по узкой горной тропе, с восхищением смотрел на её ладную, хорошо скроенную фигуру. Он с удовлетворением посматривал на аппетитную точку, которую принято считать пятой, и на нескончаемые, как колесо обозрения, стройные ноги. Ему не верилось, что всего несколько часов назад он не просто прикасался почти к каждой точке этого обольстительного тела, а по сути, сливался с ним в порыве необузданного и никогда не познанного до этого вожделения. Когда же низкое горное солнце стало растапливать застоявшийся в распадах снежный фирн, а Илга сняла штормовку и свитер, оставшись в сиреневой футболке, облегающей её высокую и рельефную грудь, Леониду показалось, что он воспылал к ней любовью. До этого ночного приключения в палатке ему казалось, что только чувственная любовь в определённый момент постепенно перерастает в интимно-постельные отношения. Теперь же получалось, получалось не из теории, а чисто эмпирически, что безумный секс порождает не только эротическое возбуждение, а и лихорадит потайные сердечные струны. Большая часть его обрывочных полубезрассудных мыслей вертелась сейчас вокруг одного вопроса:

– Когда? Когда можно будет это повторить? Когда?

А ещё время от времени у него проскальзывала мысль, что на протяжении всего этого дня он ни разу не вспомнил про свою Светлану. Но Леонид тут же отгонял её, как совсем неактуальную в сложившейся ситуации. Когда же на привале Василий, протягивая ему кружку живительного, чуть булькающего нарзана, насмешливо спросил: «И как же нам спалось с Илгой? Наверное, будет, что скрывать от Светланы?» – его, как ни странно, совсем не передёрнуло от ужаса содеянного, только словно закованное в тиски сердце забилося гораздо сильнее.

Василий, заметив неестественную бледность приятеля, поспешил влить в него полную флягу кавказской минералки и с видом многоопытного Казановы воскликнул:

– Всё нормально, дружище! Крепись! Это только после первой измены слегка руки трясутся и голос дрожит, а потом постепенно привыкаешь.

Леонид ещё не знал, что слова Василия станут нарицательными и что они в какой-то степени будут неотъемлемой частью его будущей жизни.

Поход продолжался, и пока их туристская группа размеренно продвигалась по низине живописного горного ущелья, Леонид продолжал про себя заниматься мысленным самоистязанием. Хотя, положа руку на сердце, которое уже билось в привычном ритме, не такая это и была мука мученическая корить себя. Да собственно, за что, если Илга подарила ему абсолютно новое, неизведанное ранее, пылающее чувство абсолютного сексуального удовлетворения. В его томской спальне привычным фоном интима со Светой были успокаивающие голубые портьеры, зеленоватые отблески мягкого света ночника, розовое постельное бельё и тихий джазовый блюз из магнитофона. Однако весь этот уютный колорит никогда не приносил ожидаемого чувства всеобъемлющей интимной близости. Здесь же – крохотное, дрожащее на ночном ветру брезентовое убежище, беспроглядная тьма внутри, заползающий от заснеженных вершин холодок, колючие ёлки под разгоряченным телом, и тут же – всеобъемлющая страсть, непревзойдённый эрос и не знающий границ обоюдный оргазм. После долгих раздумий Леонид, наконец, уразумел, что ключевым словом в разборе его мысленных плотских полётов является слово «обоюдный». Именно этого: сексуальной взаимности и амурной двусторонности – не хватало ему в их со Светланой нерегулярной ночной жизни.

Палаточный роман с Илгой продолжался ещё целую неделю. За это время Леонид заметно похудел из-за незапланированной потери калорий, растраченных в ночных удовольствиях с Илгой и в последующих преодолениях горных вершин в светлое время суток. Но горные восхождения не утомляли его, ибо каждая минута их продолжения неуклонно приближала красочный заход солнца. А тот, в свою очередь, ускорял движение времени, когда можно будет нырнуть в палатку и почувствовать пылкость горячих поцелуев Илги, её нежные руки, массирующие самые интимные места его тела, а главное – осознать, что тебя хотят, очень хотят. Неделя пролетела быстрее, чем хотелось Леониду. На её исходе он, Василий и их прибалтийские подружки Илга и Лайма сидели в аэровокзальном кафе. До посадки на самолёт, улетавшего в Ригу, оставался ещё целый час. Василий всё время рассказывал смешные байки, а Лайма безудержно хохотала, время от времени обнимаясь с ним и целуя прямо в губы. Илга сосредоточенно молчала, не обращая на них никакого внимания. Изредка она бросала печальный взгляд на Леонида и тут же отводила его вверх, вглядываясь в свисающую посреди кафетерия хрустальную люстру. Он же неотрывно смотрел в её огромные зелёные глаза, стараясь прочитать в них эпилог их заканчивающегося короткого адюльтера. Он всё порывался сказать ей на прощание что-то тёплое и душевное, но никак не мог найти для этого нужные и точные слова. Да и в самом деле, не мог же он сказать ей:

– Милая Илга! Мне никогда и ни с кем не было так хорошо, как с тобой. Спасибо тебе за интимный мастер-класс. Спасибо за то, что была со мной близка и дала мне то, чего я никогда не дождусь от своей жены. Я этого никогда не забуду.

Видимо, когда Леонид проговаривал про себя эту тираду, губы его произвольно шевелились. Илга заметила это и, прижав свой маленький пальчик к его устам, прошептала ему на ухо:

– Милый! Не надо ничего говорить. Ведь нам обоим всё понятно. Прошу тебя только об одном: не думай только, что ты имел дело с какой-то латышской проституткой. Я не уверена, но мне кажется, что я люблю тебя. Но это не имеет уже никакого значения. Момент истины настал. Прощай!!!

Шёпот Илги заглушил громкий голос аэропортового диктора:

– Пассажиров, улетающих рейсом № 189 в Ригу, просим пройти на посадку.

Илга, испугавшись, отпрянула от Леонида. Однако он, крепко обняв её за плечи, прильнул к её губам и застыл вместе с ней в долгом прощальном поцелуе. Скупые, едва заметные слёзы наполнили его глаза, обозначая нечто большее, чем простую физическую связь с этой девушкой.

Однако так случилось, что момент истины, о котором говорила Илга при прощании, настал не в аэропорту города Минводы, а гораздо позже. С этого момента ещё и года не прошло. Но череда однообразных будней уже полностью поглотила Леонида. Иногда монотонное течение времени прерывалась редкими праздниками, днями рождений или просто выходными днями, которые в целом тоже мало отличались от обыденной прозы. Леонид получил повышение на работе и стал ведущим инженером. Карьерный же рост Светланы был просто ошеломляющим: её назначили начальником отдела труда и зарплаты. Всегда улыбающиеся и окружённые заботой детки быстро подрастали, превращаясь в красивых и смысленных девочек. Отец Светланы помог приобрести трёхкомнатную кооперативную квартиру. Жизнь молодой семьи налаживалась и постепенно входила в хорошо накатанное русло. Леонид привык к размеренному укладу быстротекущих будней, привык к каждодневной работе, которая, по мере её полного освоения, постепенно превращалась в рутину, привык к однообразному домашнему быту. Единственное, к чему он никак не мог приспособиться, так это к своей интимной жизни со Светой. Она руководила большим отделом, часто ездила в командировки в Москву и в конечном итоге превратилась в независимую деловую женщину, для которой производственные интересы были выше личных. Этот факт, вероятно, и являлся причиной того, что если раньше Леонид методично исполнял супружеские обязанности раз в неделю, то теперь же то, что с большой натяжкой можно было назвать сексом, происходило у них с женой в лучшем случае два раза в месяц. Причём в последнее время, чтобы вызвать у себя как душевную, так и физиологическую эрекцию, Леонид мысленно визуализировал не совсем ушедшие в небытие интимные отношения с Илгой. Закрывая глаза, он почти физически ощущал в своих ладонях податливые холмики её тугой груди и мягкий волнистый треугольник, чернеющий ниже пупка. Это работало и помогало ему продержаться в постели с женой положенное для секса время.

Врождённая охота к перемене мест до сих пор не была утрачена и даже возрастала по мере взросления. В таких случаях всегда на ловца бежит какой-нибудь зверь. В роли ловца выступал, конечно, сам Леонид, а в качестве зверя в этот раз оказалась экскурсионная путёвка в Прибалтику. Это был подарок судьбы. Света, естественно, и в этот раз не могла составить ему компанию. Она вместе с генеральным директором завода срочно вылетала в Москву в министерство для срочной корректировки годового плана выпуска продукции. Для неё это было намного важнее, чем провести отпуск с мужем. Как бы там ни было, Леонид радовался, что едет один, в тайниках души надеясь, что встретит в поездке женщину, которая сможет встряхнуть его необлаженное эротическое эго также неповторимо, как сделала год назад страстная Илга в заснеженных горах Кавказа.

В этот раз Леониду не повезло: группа попала «стариковская», в основном преобладали супружеские пары, перешагнувшие своё пятидесятилетие. Исключение составляла разве что свободная от мужского сопровождения аппетитная толстушка Леночка из славного украинского городка Жмеринка. Когда же в один из вечеров Леонид набрался наглости пригласить её к себе в номер, как он гротескно выразился, на чару добротного вина, она посмотрела на него холодным взглядом и проникновенно заявила:

– Не обижайтесь, пожалуйста, Лёня, но вино, равно как и другие спиртные напитки, я пью исключительно с мужем.

Вот и получилось, что всю поездку вместо женских прелестей пришлось созерцать только причудливую для сибиряка европейскую архитектуру прибалтийских городов: Таллинна, Тарту, Вильнюса и Каунаса. В предпоследний день поездки их туристский автобус прибыл в столицу советской Латвии – город Ригу. Восторженно взирая из широкого автобусного окна на экстерьер старого города, Леонид вдруг увидел табличку с названием: «Rainis». Это было не что иное, как название бульвара, расположенного в центральной части города. Вместе с тем это была фамилия известного латышского поэта. А ещё эту же фамилию носила Илга.

Мысль об этом, как обоюдоострая стрела, пронзила Леонида. На первой же остановке он оторвался от своей группы, чтобы поискать ближайшее справочное бюро.

Киоск горсправки Леонид разыскал молниеносно: надо было просто перейти на другую сторону улицы. Но вдруг оказалось, что фамилии и имени совсем недостаточно, чтобы найти живого человека. Фамилия Илги оказалась слишком распространённой в Латвии, и седовласая латышка, сидевшая в киоске справочной службы, беспомощно развела руками. Отчаявшись, Леонид чуть ли не со слезами на глазах и с мольбой в осевшем голосе пролепетал:

– Я вас очень прошу, помогите мне, я приехал издалека, из самой Сибири, мне очень, очень нужно увидеть человека, которого я разыскиваю.

А ещё говорят, что в магазинах и учреждениях прибалтийских республик не любят, когда к ним обращаются на русском языке, и поэтому далеко не всегда ответят на ваш вопрос. Неправда всё это. Справочная латышка более чем внимательно отнеслась к просьбе Леонида и, узнав у него приблизительный возраст Илги, протянула листок с двумя предполагаемыми адресами. Один из них находился на севере Латвии на границе с Эстонией. Другой – на хуторе, всего в 18 километрах от Риги. Леонид очень спешил, но всё-таки заскочил в ближайший гастроном и, купив там самую большую коробку конфет, отнёс отзывчивой латышке со словами благодарности. Он почему-то был уверен, что найдёт Илгу именно по второму, более близкому адресу.

Через полчаса Леонид уже сидел в электричке, которая везла его по указанному в листочке адресу. Выйдя на пустынном полустанке, он не обнаружил там ни одной живой души. По обе стороны от приземистой станционной постройки шумел хвойный лес, и просматривалась всего одна не очень широкая просека. Решив про себя, что другой дороги к хутору быть не может, Леонид торопливо зашагал вперёд, отменяя мысли о возможности сесть на встречный поезд и укатить обратно в уютную Ригу. Он не обращал внимания на таинственное величие стройных сосен, на весёлое щебетание птиц на деревьях, на тихое журчание лесного ручейка. В голове у него крутился только один вопрос:

– Куда я шагаю так быстро? Зачем мне нужна эта встреча? Кому нужно вновь наводить уже сожжённые мосты?

Вразумительных ответов на поставленные вопросы не было. Он уже почти час находился в пути, а тропа плавным серпантинном всё виляла по нескончаемому лесному массиву. Хотелось остановиться, чтобы передохнуть и выкурить сигарету, как вдруг лес внезапно оборвался, обнажив огромную поляну, посреди которой за зеленоватым забором краснела крыша просторного дома. С удовольствием выпуская клубы табачного дыма, Леонид подошёл к дому и, сделав глубокий вдох, с замиранием в сердце приоткрыл скрипящую калитку. Тут же, откуда не возьмись, на него с грозным рычанием бросился чёрный, немалых размеров пёс. Неизвестно, чем бы закончилась эта встреча с огромной собакой, охраняющей этот отшельнический лесной хутор, если бы из дверей дома не выскочила дородная женщина в серой поношенной кофте и цветастой с вертикальными оторочками широкополой юбке. Она отрывисто что-то выкрикнула по-латышски, и собака тут же отскочила в сторону, грозно взирая на тлеющий окурок, выпавший изо рта не на шутку перепуганного Леонида.

Женщина, уже обращаясь к нему, продолжала что-то говорить по-латышски. Леонид, взволнованно размахивая руками в разные стороны, жестами дал ей понять, что не говорит по-латышски и, придя в себя после угрожающего рыка собаки, тихо спросил:

– Извините, в этом ли доме проживает Илга Райнис?

Латышская фрау, загораживая своим мощным седалищем лающую собаку, кивком пригласила Леонида пройти в дом. Пройдя через узкие сени, забитые хозяйственной утварью, он оказался в просторной тёмной горнице. Возле окна молодая женщина склонилась над крошечным грудным ребёнком, которого бережно держала на руках. Когда она подняла голову, вконец растерянный Леонид узнал в ней Илгу. Чуть раздобревшая, но не утратившая своей стройно-

сти, она не спеша положила ребёнка в кроватку и подошла к нему. Складывалось впечатление, будто он совсем недавно вышел из дома и вот вернулся, чтобы продолжить заниматься своими будничными делами. Илга обняла его за шею и, прильнув, пронизывающе, как это делала в палатке, поцеловала в губы. Краем глаза Леонид уловил удивлённые взгляды матери и младшей 15-летней белесой сестрёнки, взиравшей на Леонида, как на пришельца с другой планеты. Он и в самом деле чувствовал, что попал на этот заброшенный латышский хутор из другой Галактики.

Оторвавшись от своего долгоиграющего поцелуя, Илга что-то сказала матери по-латышски. Та тут же схватив за руку свою младшую дочку, продолжающую заморожено смотреть на взбудораженного Леонида, поспешила вместе с ней выйти из комнаты. Илга снова бросилась на шею Леонида и опять стала покрывать всё его лицо поцелуями. Затем она усадила его на диван и, взобравшись к нему на колени, игриво прошептала:

– Лёня! Как ты меня нашёл? Ты зачем приехал? Ты разве не помнишь, что я сказала тебе в аэропорту?

– Ещё как помню, – откликнулся Леонид, алчно взирая на её округлые бёдра, выбившиеся из-под пышной домашней юбки. – Ты сказала тогда: "Прощай, момент истины настал". Я, правда, даже сейчас не понимаю, о каком моменте и о какой истине идёт речь.

Илга хотела что-то ответить, но тут в комнату снова вошли мать и сестра с подносами в руках. Не прошло и двух минут, как стол был накрыт по всем законам латышского гостеприимства. Из запотевшей бутылки без этикетки Анита (так звали мать Илги) разлила по стограммовым стопарикам что-то, похожее на водку. На немой вопрос Леонида она, смешивая русские слова с латышскими, со смехом ответила:

– Это, конечно, отрава, но отрава доброкачественная, называется «кандза», наш латышский самогон, пейте на здоровье.

Несколько стопок качественного самогона вприкуску с нежным розовым салом, прекрасно засоленными грибами, огурцами и помидорами быстро сотворили своё дело. Уже через какие-то четверть часа Леонид горячо целовал маме Аните её натруженные от хуторской работы руки и обнимал за плечи сестричку Илги к её большому удовольствию. Вдруг послышался громкий плач спавшего до этого ребёнка. Илга встрепенулась, не стесняясь, сбросила с себя кофточку и, оголив свою набухшую грудь, бросилась кормить ребёнка. Леонид, не отрываясь, созерцал подсмотренный ещё на кавказском базаре, притягивающий к себе своими соблазнительными формами оголённый бюст Илги. Никто не заметил, как напряглись у него мышцы промежности и по всему телу потекла сладкая истома.

– Разве это так плохо наблюдать, как мать кормит своё любимое чадо? – спрашивал, как бы оправдываясь, сам себя Леонид. Он продолжал безотрывно смотреть на Илгу, любясь ею и мечтая соединиться с ней вновь, как он проделывал это в волшебной палатке.

Его эротические химеры прервала Илга, уже успевшая сменить свою полусельскую домашнюю одежду на костюм деловой женщины. Белая блузка, строгого синего цвета жакет и юбка, а также черные туфли на высоком каблуке в считанные минуты превратили Илгу из смазливой молодой крестьянки в элегантную неприступную женщину. Леонид ведь не знал, что она несколько лет назад закончила физикоматематический факультет университета и сейчас преподавала математику в торгово-экономическом техникуме. Он с восхищением смотрел на улыбающуюся роскошную леди, стоящую перед ним, и с трудом узнавал в ней симпатичную девушку в жёлтой штормовке, с которой провёл незабываемые ночи на Кавказе.

– Что же ты застыл, Лёня? – схватила его за руку Илга и потащила его к выходу. С другой стороны дома, от вторых его ворот, отходила широкая, посыпанная гравием грунтовая дорога. Возле ворот стоял красного цвета старенький «Москвич». Перехватив удивлённый взгляд Леонида, Илга улыбнулась и почему-то виноватым голосом сказала:

– Да, это моя машинка. Я же не в Сибири живу, а в Прибалтике. Мне её папа подарил. Он у меня занимает высокую должность главного инженера строительного треста.

Она раскрыла дверь и чуть ли не втокнула слегка оцепеневшего Леонида в салон. Они долго кружили по Риге, Илга показывала ему заповедные уголки родного города, куда вряд ли заводили туристов экскурсоводы и путеводители. Когда начало смеркаться, зашли поесть в необычный ресторан, оформленный в рыцарском стиле. А ещё через полчаса пили кофе в знаменитом кафе «13 стульев». Около полуночи Илга остановила машину на окраине города возле какого-то неказистого малопривлекательного трёхэтажного здания. На вопросительный взгляд Леонида она слегка присела, совершив своеобразный книксен, и, улыбаясь, пропела:

– Вы уж простите, господин Могилевский, что не определила вас в «Интурист» или в другие офигенные апартаменты, но посмею предположить, что в комнате, которую сейчас попадём, будет гораздо просторнее, чем в прошлом году в палатке.

Слова Илги полностью оправдались. Это была просторная комната студенческого общежития, которую уступил ей на ночь какой-то родственник. «Роскошный люкс» по обстановке мало чем отличался от палатки. Интерьер комнаты состоял из полуоборванных зелёного цвета обоев, обветшалого стола и двух покосившихся табуреток. Зато в центре громоздился огромный, почти новый, полосатый матрас с двумя взбитыми подушками. Собственно, именно эта полосатая подстилка и должна была являться реальной фишкой сегодняшней ночи. Не успел Леонид подумать, что архаичный матрас будет намного уютнее, чем еловые ветки на сырой земле, как Илга водрузила на стол незабвенную бутылку «RIGAS BALSAM».

– Похоже, милая, ты меня хочешь сегодня забальзамировать, – расхохотался Леонид.

– Нет, дорогуша, – нарочито серьёзным голосом откликнулась Илга, – сегодня я планирую лишить тебя тех остатков твоей мальчиковой девственности, которые, по неизвестной мне причине, оставила мне в наследство твоя жена.

Не успел Леонид подивиться пронизательности Илги, как она с ходу, подогнув коленки, запрыгнула на него и одарила своим долгим обжигающим французским поцелуем. Уже одной этой прелюдии хватило, чтобы кровеносные сосуды её подопечного расширились до такой степени, что он был готов немедленно разорвать на ней все одежды и заняться с ней грубым совокуплением, как пьяный матрос со стервозной портовой шлюхой.

Но Илга неожиданно оттолкнула его и сердито проронила:

– Постой, Лёнчик, не торопись. В то время как ты каждую ночь трахал свою милую жёнушку, я уже забыла, как выглядит обнажённый мужчина. У меня уже год не было секса. Так что, берегись! А сейчас давай, как ты выразился, немного пробальзамиреуся.

Илга схватила бутылку и стала маленькими глотками с небольшими перерывами опустошать её содержимое. Леонид удивлённо взирал на потрясающую блондинку в строгом синем костюме и думал:

– Как же так получилось, что ему, простому советскому инженеру, досталась такая ослепительная женщина, ведь такие шикарные дамы бывают только в кино. Как же так случилось, что красивая и образованная женщина целый год обходилась без мужского внимания.

И тут Леонида будто электрическим разрядом пронзило, будто кто-то в мозгах невидимый рубильник включил. Выхватив у Илги бутылку и отпив из неё несколько больших глотков, он сокрушённо пробормотал:

– Илга, милая моя, как же так получается? Если у тебя год не было встреч с противоположным полом, откуда взялся этот милый ребёнок, которого ты при мне вскармливала?

Илга стояла спиной к Леониду, поэтому он не увидел, как её подурмяненное лицо покрылось белизной, а на глазах показались слёзы. Не поворачиваясь к нему, она тихо прошептала:

– Знаешь, Лёнчик, ты, и в самом деле малопоцелованный мальчик, если веришь каждому слову, сказанному женщиной. Я ведь специально так сказала, чтобы сильнее возбудить тебя, и, кажется, мне это удалось.

Леонид подбежал к Илге и, крепко прижав её к себе, задыхаясь, прошептал:

– Может, я и действительно малоцелованный мальчик, но, всё-таки, не окончательный идиот. Может, я и не заканчивал мехмат, как ты, но элементарные расчёты делать умею. А они, милая моя, показывают, что палаточной любовью мы с тобой занимались меньше года назад.

Илга мягко приложила ладошку к губам Леонида, с тем чтобы прекратить его разгневанную тираду, но он, отведя её в сторону, сердито продолжил:

– Ты мне тогда ещё сказала, мол, Лёня, не надо нам презервативов, я обещаю тебе, что наш секс будет безопасный. Так что этот беленький младенец вполне может быть моим сыном.

Илга, вырвавшись из его объятий, ни слова не говоря, стала медленно расстегивать ремень на его брюках. Присев на корточки, она сняла с него туфли. Американские синие джинсы, купленные по случаю на барахолке, уже самостоятельно упали на пол. Завороженный Леонид и не заметил, как через мгновение его короткие трусики оказались там же, где и джинсы. Ещё через мгновение он, абсолютно обнажённый, оказался на табуретке, а не успевшая снять свой учительский костюм Илга примостилась у его ног. Ну а дальше невероятное стало очевидным. Она обхватила своими пухлыми губами головку его мужского достоинства и, осторожно надавливая своим влажным языком на самое эрогенное место, на его уздечку, стала периодически двигать им по всей поверхности орудия. Это уже был не просто мастер-класс, а какое-то беспмятство, в которое впал Леонид. Это была свалившаяся с неба блаженная нирвана, это был безбожный кайф, который он никогда прежде не испытывал. Это небытие, куда ввела его эта неземная женщина, он не забудет никогда.

Расслабленный и осчастливленный, Леонид в одночасье забыл о ребёнке, которого уже считал своим, забыл о Светлане, оставшейся в далёкой Сибири, забыл обо всём на свете. Он продолжал сидеть на старом табурете, а Илга медленно, как на никогда не виденном им стриптиз-шоу, снимала с себя свой классический синий костюм. Оставшись в комплектных сиреневого цвета бюстгальтере и трусиках, она не спеша продефилировала перед обомлевшим Леонидом. Он хотел было привстать со своего табуретного бедуара, чтобы помочь ей освободиться от оставшегося неглиже, но она небрежно оттолкнула его и стала сама снимать самые сокровенные части женского туалета. Не отрываясь, смотрел сибиряк на её чуть располневшую после родов фигуру, которая стала ещё более привлекательной, на тугую и округлую попку, на стройные, заканчивающиеся у заветного лобка ноги и думал, что есть Бог на свете, если привёл его на латышский хутор, где жила прекрасная женщина Илга.

А прекрасная, полностью обнажённая женщина кружилась по давно неубранной комнате и нежным голоском напевала: «Ночью в тихих улицах Риги жду я, жду я, вновь тебя жду я...»

Леонид подхватил Илгу на руки, и они уже вместе запели: «Ночью моё сердце крылато, верю, не забудешь меня ты, время придёт – по улочкам Риги вдвоём вновь мы пройдем навстречу рассвету...»

Но до рассвета ещё было несколько часов, до рассвета единственным молчаливым свидетелем их встречи был совсем нестерильный матрас, ставший символом этой сумасшедшей и романтической ночи. Это был какой-то невиданный бурный и неутихающий смерч не столько духовной, сколько плотской и эротической любви. Это был порывистый вихрь незатихающего секса между мужчиной и женщиной, между которыми не было никаких нравственных ограничений. Они желали друг друга на пике своей сексуальности и делали всё возможное и невозможное, чтобы этого пика достичь на пределе собственной чувственности. Они хотели друг друга и получали друг друга на волнах неукротимой и оголтелой страсти. Видавший виды матрас никогда не ощущал на себе таких смелых соблазнительных кульбитов, отчаянных опрокидываний и переворачиваний, никогда не слышал таких раздирающих от похоти стонов и таких обоюдных вожделенных тирад с хриплыми словоизвержениями:

– Я хочу тебя ещё!

Радужные брызги солнечных лучей, нахально ворвавшихся в давно немытое окно, подняли Леонида с матраса. Он долго рассматривал соблазнительную фигуру лежащей рядом обнажённой Илги. Он беспардонно всматривался во все обольстительные округлости, сексапильные выступы и зовущие впадины её притягательного и лакомого тела, пока не увидел, что стенные ходики показывают восемь утра. Леонид вспомнил, что самолёт с его группой улетает в полдень, вспомнил, что никого даже не предупредил о своём внезапном бегстве и его, наверное, разыскивают. Но всё это было суетным по сравнению с сегодняшней ночью и этой лежащей рядом утренней прелестной натурой. Время до отлёта ещё было. Он осторожно прикоснулся к Илге и, разбудив, нежно поцеловал во вкусные и податливые губы.

Уже через четверть часа, быстро собравшись, они, почти не разговаривая, пили кофе в каком-то маленьком бистро, а ещё через час красный «Москвич» резко притормозил у здания рижского аэровокзала.

– Илга, дорогая, – негромко проговорил Леонид, когда они вышли из машины, – я тебя очень люблю, скажи только, это мой ребёнок?

Она, вытирая выступившие слёзы, устало прошептала:

– Нет, Лёнчик, это мой ребёнок. Прощай! Я буду о тебе помнить. Не забывай меня. Это и есть момент истины, о котором ты спрашивал вчера. Больше этого момента не будет. Никогда!

Глава 3

Первый блин

В Томске в зале для прилетевших пассажиров среди встречающих Леонид заметил Светлану. Вообще говоря, это был нонсенс, полная неожиданность или даже сюрприз. Особенно в момент, когда она подбежала к нему и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала в губы. Этот символический сибирский поцелуй, разумеется, мало походил на французское прикосновение Илги, но Леониду было приятно. Светлана, взяв его под руку, внимательно посмотрела ему в глаза и, улыбнувшись, спросила:

– Ну что, Лёня, много женщин у тебя там было? А то выглядишь ты каким-то особо одухотворённым и обласканным.

Леонид вздрогнул, подумав про себя:

– Что за наваждение? Как она могла догадаться? Ведь не написано на мне, чем я там занимался.

Взяв себя в руки и чуть успокоившись, он сам же себе и ответил:

– Говорят, что в женских мозговых извилинах есть какой-то природный датчик, который каким-то непонятным образом то ли по запахам, исходящим от мужчины, то ли по звукам его речи безошибочно определяет факт измены. Может, поэтому Света, как никогда ранее, поцеловала его.

Вслух же он шутливо произнёс:

– Все женщины, окружавшие меня в поездке, были в возрасте, описанном Оноре де Бальзаком. Все они мне скорее в матери годились, чем в любовницы.

Домой из аэропорта вернулись поздно. Наскоро перекусив, они со Светланой почти одновременно нырнули на свою просторную диван-кровать, которую Леонид иногда называл сексодромом. Хотя именно по этому целевому назначению она использовалась крайне редко. Вот и сейчас, когда он нежно обнял и прижал к себе Светлану, та осторожно отстранилась от него и прошептала ему на ухо:

– Лёня, не надо. Сегодня нельзя: у меня начались месячные.

– Всё, как всегда, – недовольно пробормотал он, – похоже, что ничего не изменилось в Томском королевстве.

Но, откровенно говоря, сегодня отказ Светланы от супружеского праздника после недельного расставания только порадовал его. Вчерашние ночные кувыркания с Илгой настолько вымотали, что он вряд ли нашёл бы силы даже на короткие интимы с любимой женой.

Несмотря на усталость, Леониду не спалось. Сквозь приспущенные веки он всматривался в милое личико посапывающей Светланы. В этот момент казалось, что больше никто ему не нужен, кроме этой умной покладистой и симпатичной женщины. Но уже на следующий вечер, когда он восстановился после рижского адюльтера, а у Светланы продолжалась менструальная декада, Леонид вспомнил об Илге и все связанные с ней приятности. И ох как же захотелось ему этих райских наслаждений, полученных ещё позавчера на выдавшем виде матрасе от прибалтийской подруги. Он оказался как бы в двойной реальности: на платоническом уровне любил Светлану и в то же время страстно желал Илгу в плоскости эротической. Все эти уровни и плоскости никоим образом не хотели совмещаться в одной, отдельно взятой, женщине. Именно эта нестыковка не давала Леониду спокойно жить и даже просто дышать: вместо вдохов у него получались вздохи, а вместо выдоха – извержение отрицательной энергии. Наяву выходило, что этот дисбаланс в сопоставлении духовного и физического образовывал своеобразные ножницы, состоящие из двух одинаковых половинок и винта между ними. Винтом, понятно, являлся сам Леонид Могилевский, а половинками – Светлана и Илга.

Если одним лезвием этих виртуальных ножниц была, действительно, Света, то вторым – могла быть не обязательно Илга, а, по сути, любая женщина, доставляющая Леониду сексуальное удовлетворение. Этот вывод, к которому он пришёл долгими бессонными ночами, не сделал его счастливым. Скорее даже, наоборот. Найти такую страстную и одновременно неприятзательную женщину, как Илга, в сибирском городе Томске просто не предоставлялось возможным. Институт продажных женщин в СССР в то время ещё просто не существовал. Такие понятия, как проститутка, путана, гейша и потаскуха, простому советскому человеку были известны исключительно в теоретическом аспекте. Да и вообще считалось, что в Советском Союзе продажного секса не существовало. Заводить же любовницу Леониду не то, чтобы не хотелось, ему это просто было не нужно. Ведь страстию необходимо было любить, обхаживать, дарить цветы, приглашать в театр, говорить красивые слова и делиться сокровенным, да и просто, по большому счёту, отдавать самого себя. Спрашивается, во имя какой великой цели? Во имя чего, если для всего этого у Леонида были тепло, уют, прекрасные дети и, в конце концов, красавица-жена. Кроме всего прочего, любовница означала не что иное, как постоянную измену. Если измену физиологическую, из-за их половой несовместимости, он допускал, то измена духовная для него была абсолютно неприемлема.

Разброд, шатания и постоянное беспокойство в мятежной душе Леонида прекратились только через несколько лет. Так сложилось, что первый и последний президент СССР Михаил Горбачёв открыл дорогу для возвращения советских евреев на их историческую Родину. Так получилось, что отец Светланы Самуил Наумович Вайнштейн и мать Фаина Борисовна Вайнштейн решили репатрироваться в Израиль. Понятно, что оставить любимую дочку и ненаглядных внуков в заснеженном Томске они никак не могли. Светлана, несмотря на успешное продвижение по карьерной лестнице, после долгих колебаний согласилась. Тем более, что отцу обещали на первых порах помочь с работой в одной из израильских больниц. Что же касается Леонида, то он не возражал перенестись из христианского сибирского края на родину того же Христа на святую землю в Израиль, ещё не подозревая, что на голубой бесконечности Средиземного моря в его жизни наступят существенные перемены.

Перемещение из точки А в точку В, в какой бы части нашей уникальной планеты не находились эти точки, всегда сопряжено со значительными трудностями для переселенцев. Несмотря на то, что Родина называлась исторической и что, по преданию, Моисей привёл иудейский народ на Землю, текущую молоком и мёдом, большинство репатриантов из СССР именно в материальном аспекте почувствовали себя там поначалу более чем неудобно. Семей Вайнштейнов и Могилевских эти переездные неурядицы не очень коснулись. Родному брату Самуила Наумовича, который уже долгое время проживал в Израиле и занимал какую-то важную инженерную должность в оборонной промышленности, уже через несколько месяцев без особого труда удалось устроить Светлану бухгалтером в институт национального страхования, а Леонида – инженером в электрическую компанию. Это означало, что, не успев приехать, семья Леонида практически сразу достигла финансового уровня среднестатистического израильтянина. А ещё это означало, что не только «кадры решают всё», сколько это «всё» решает её величество «протекция», сделанная в нужное время и в нужном месте.

В новых политических и социальных реалиях чувство сексуального голода между длительными паузами, устанавливаемыми Светланой, отнюдь не улетучились в Средиземное море, на которое Леонид каждый день взирал с балкона своей квартиры. В один из жарких дней, развалившись в кресле на этом балконе и с удовольствием потягивая кофеёк, мастерски приготовленный Светланой, он просматривал свежие израильские газеты на русском языке. В одной из них его внимание привлекло весьма любопытное объявление:

«Вика, 23 года, рост 165. Красивое лицо, большие глаза, волнистые волосы чуть ниже плеч, не худая, но и не полная, большая упругая грудь (4 р.), подтянутый живот, круглая попа,

сочная и аппетитная. Со мной можно встретиться в уютной квартире. Подарю вам приятные минуты в любой день с 15.00 до 20.00. Звоните...»

Обжигаясь слишком поспешно проглоченным кофе, Леонид вскочил со своего кресла, энергично потёр виски и громким шёпотом сказал сам себе:

– Вот оно! Вот оно, чего мне так не хватает. Награда нашла героя, а страждущий путник – родник с прохладной водой.

На балкон забежала испуганная Светлана и, с опаской взглянув на возбуждённого мужа, тихо спросила:

– Лёня! Что случилось? Ты в порядке?

– Света, да не волнуйся, пожалуйста, – побледнел Леонид, пряча за спину развёрнутую газету, – всё в ажуре, просто статья интересная попалась об особенностях израильской жизни.

Похоже, что Леонид не очень-то и покривил душой: прочитанное вызвало у него просто невероятный интерес. Ведь, по сути дела, он нашёл то, о чём в подсознании боялся признаться самому себе. Он нашёл то, о чём на его доисторической родине, в СССР, запрещено было даже думать.

– Не зря я всё-таки приехал в Израиль. Вот что значит демократическая страна, – размышлял Леонид, безмолвно шевеля губами, – страна неограниченных возможностей, которыми надо только правильно распорядиться.

Леонид и святым духом не ведал, что ещё до появления Израиля на карте мира, будущий первый премьер-министр Давид Бен-Гурион сказал:

– Когда у нас будет вор-еврей и проститутка-еврейка, мы точно будем знать, что у нас есть своё государство.

Слова еврейского лидера полностью подтвердились. С образованием государства появились новые технологии, передовая медицина, мощная армия и разведка, университеты и театры, врачи и учёные. Вместе со всеми атрибутами, присущими каждой государственности, появились и свои воры, и свои проститутки. В первые годы существования страны еврейские путаны тихо и мирно, без рекламы и шумихи, занимались продажами своих соблазнительных телес так, что их деятельность была практически незаметна. Ситуация на подиуме жриц любви коренным образом изменилась, когда в 1990 году начался массовый исход евреев из СССР. Достопочтенный Бен-Гурион и предположить не мог, что рынок израильских гейш настолько быстро наполнится симпатичными молодыми женщинами из России, Украины, Белоруссии и Молдавии, чуть позже к ним присоединятся уроженки Закавказья и Средней Азии, а проституция станет чуть ли не отраслью израильского хозяйства. Спрос на платные интимы был обусловлен наличием арабского населения и ультрарелигиозных евреев, в среде которых отношения полов строжайше регламентированы внутриобщинными законами. Прочитанное Леонидом призывное объявление о сексуальных услугах загадочной Вики и являлось отражением бурного развития подпольной индустрии.

Всю ночь Леонид не смог уснуть от мысли, что, может, это странное газетное объявление не соответствует действительности, может, это какой-то подвох или, ещё хуже, нелепый розыгрыш. Однако он привык верить советским газетам «Правда» и «Известия», в которых, как он не совсем справедливо полагал, все излагаемые известия были правдивыми. Еле дождавшись утра, Леонид прямо из рабочего кабинета дрожащими пальцами набрал указанный в объявлении телефон. Тотчас же в трубке послышался мелодичный женский голос:

– Доброе утро, вас внимательно слушают.

Весь трясаясь как в лихорадке, запинаясь и срываясь на фальцет, Леонид негромко пробубнил:

– Не будете ли вы так любезны пригласить к телефону Вики?

– Зачем же так официально? – ответила трубка. – Я всегда любезна, и я та самая девушка, которую зовут Вика. Тебе на какое время назначить?

– Ничего себе, – подумал Леонид, – запись, как на приём к врачу. Доверительно-деловой тембр голоса Вики несколько успокоил, и он решил, если уже окунаться в бездну разврата, то лучше сразу, не раздумывая, как головой в прорубь. Поэтому уже осмелевшим голосом попросил:

– А можно, Вика, я приду прямо сейчас?

– Всё можно, только осторожно, – рассмеялась Вика. Ты какой-то очень уж странный клиент, даже не спрашиваешь, сколько стоят мои услуги.

Леонид промолчал, а Вика продолжила:

– Для новых репатриантов из Страны Советов я делаю скидку, час моей работы тебе обойдётся в 25 долларов. Приезжай, не пожалеешь!

Уже через полчаса, отпросившись с работы, Леонид отыскал здание, указанное в адресе, который продиктовала ему незнакомая жрица любви. Зданием это сооружение, построенное на окраине Тель-Авива ещё, наверное, во времена Османской империи, можно было назвать с большой натяжкой. Ещё больше покорила зрение Леонида выщербленная и треснувшая входная дверь в квартиру Вики. После его робкого звонка ему долго никто не открывал. Он уже хотел было сбежать с поля несостоявшегося боя, как дверь с шумом распахнулась, и из неё выпорхнула толстая, рыжая, непричёсанная женщина. Едва взглянув на Леонида своими накрашенными неопределённого цвета глазами, она, пропустив его вперёд, грубо проговорила:

– Деньги вперёд! Положи на эту тумбочку и быстренько раздевайся. Времени нет, а я в туалет и мигом вернусь.

Леонид оцепенел. Ни красивого лица, ни больших глаз, ни волнистых волос, описанных в объявлении, не было и в помине, а уютная комната представляла собой десятилетиями не беленое и неубранное помещение, площадью не более шести квадратных метров. В нём едва помещались допотопная панцирная кровать, две облезлые табуретки и тумбочка, на которую надлежало положить Викин гонорар. Леонид понуро стоял посреди этого раздолбанного будуара и думал, как бы, соблюдая приличия, немедленно покинуть его. Приличия соблюдать не привелось, так как Вика, внезапно заполнив своей тучной фигурой всё будуарное пространство, молниеносно сбросила халат и предстала перед Леонидом в наготе, не вызывающей особого всплеска мужских гормонов. Подтянутый живот, круглая попка и упругая грудь присутствовали только в газетном развороте. Наяву перед Леонидом высветилась полнотелая, прошедшая «Крым, рым и медные трубы» женщина с толстыми ногами, необхватными чреслами и больше похожим на прямоугольник, чем на овал, огромным ужасающим задом.

– Что же ты не разделся, мил человек? – прогундосила Вика. – Время уже пошло. Давай уже быстренько надевай кондом на свой прибор, и вперёд, и с песней.

– Извините, – ухватился Леонид за спасительную мысль, – но я по рассеянности не захватил с собой это противозачаточное средство.

– И откуда только такие забывчивые интеллигенты берутся? – возмутилась Вика и сама же ответила:

– Только из Советского Союза, коренные израильтяне никогда ничего не забывают.

– Ладно, парниша, получишь ты своё средство, только за дополнительную плату, – миролюбиво предупредила она.

– Простите меня, Вика, – наконец осмелился заявить Леонид, – хотелось бы заметить, что в объявлении описывается женщина с совершенно другими параметрами, да и комната там представлена как уютная.

– Послушай, парниша, – заорала вдруг Вика, – чего ты заладил про какие-то параметры. Что же касается уюта, то я тебе его предоставлю в том самом месте, из-за которого ты сюда пришёл. Понял или нет? Ты чего сюда притащился, из-за параметров или из-за секса? А секс я выдаю качественный, сейчас ты в этом убедишься.

Вика повертела перед носом Леонида латексовым презервативом и стала расстёгивать ремень на его брюках. Леонид резко отпрянул от неё и отчётливо пробормотал:

– Спасибо, Вика, но я передумал. Давайте в следующий раз.

Лицо Вики мгновенно покрылось багровыми пятнами. Она быстро накинула халат на своё голое тело и злобно прошипела:

– В следующий раз, парниша, ты будешь валяться на мусорной свалке, которая находится за этим домом. А сейчас, если хочешь сохранить свою интеллигентскую жизнь, то плати деньги и убирайся, пока сюда не ворвался мой сутенёр.

Леонид поспешно положил деньги на тумбочку и ретировался восвояси не солоно хлебавши.

Первый блин оказался комом, но ведь блины пекутся не в единственном числе. Как правило, второй получается лучше первого. Странно только, что испечь его помогла всё та же толстая Вика. Так уж случилось, что он столкнулся с ней на тель-авивской набережной. На этот раз Вика выглядела более импозантно, чем в своём замусоренном притоне. Видимо, непыльная работа там позволяла всё-таки пристойно жить. Порукой тому дорогая белая с розовыми полосами блузка, подчёркнуто небрежно затянутая в голубые фирменные джинсы, спадающие на её сиреневые кроссовки модной фирмы «New Balance». Кто мог подумать, что эта по внешнему виду успешная женщина, похожая на менеджера какой-то торговой фирмы, на самом деле работает в сфере продажной любви. Вика, тут же узнав своего незадачливого клиента, схватила его за руку и буквально затянула на террасу приморского кафе, возле которого они находились.

– Не волнуйся ты уж так, интеллигент, – пророкотала она, когда официант провёл их к столику, – кофе за мой счёт. Думаешь, если я проститутка, то во мне уже и капли совести нет. Я, всё же, чувствую себя виноватой за секс, который ты оплатил, но по собственной глупости не получил.

Леонид напряжённо всматривался в ярко-зелёную волну, ласкающую песок совсем рядом, и, не без удовольствия прихлёбывая своё эспрессо, думал:

– Чёрт знает что происходит! Надо же до такого докатиться: сижу в кафе с настоящей проституткой. Что у меня может быть общего с ней?

Где-то в глубинах своего подсознания он всё-таки понимал, что именно их объединяет: ключевым термином здесь являлось слово «секс», что в переводе как с английского, так и с французского обозначало «пол», разумеется, не паркетный и не линолеумный. Имелись в виду интимные отношения двух противоположных полов: мужского и женского. Представитель одного из этих полов желал этого интима в самых красочных его проявлениях, а посланник другого – продавал его не по очень уж и сходной цене. Размышления Леонида неожиданно прервала Вика. Она доверительно притронулась к его плечу и совсем тихо проговорила:

– Ты уж не подумай, грешным делом, что я такая плохая, грубая и невоспитанная. Мне, правда, далеко до такого интеллигента, как ты, но всё-таки, и я не родилась проституткой.

– Что же вас заставило заняться этой нелёгкой работой? – усмехнулся Леонид.

– Да перестань уже выкать, – огрызнулась Вика, – скажи лучше, как тебя зовут.

Узнав имя собеседника, она продолжила:

– Так вот, Лёня, родилась я в Биробиджане. Может, слышал, есть такой городок на Дальнем Востоке на берегу реки Бира.

– Да, конечно, слышал, – откликнулся Леонид, – говорят, что он является столицей самого курьёзного субъекта Российской Федерации – Еврейской Автономной Области, в которой сегодня осталась полтора еврея и старый тфилин.

– Мне так неудобно, Лёня, – вдруг разволновалась Вика, – ты и в самом деле интеллигент, так красиво выражаешься. Я так не умею.

Леонид промолчал, не обращая внимания на реплику Вики, которая, подозревая официанта, заказала две рюмки израильской водки под названием «GOLD».

Несмотря на протесты Леонида, она голосом, не допускающим возражения, чуть ли не приказала:

– Послушай Лёня, хоть я и проститутка, но всё-таки какая-никакая женщина. А женщин, кто бы они ни были, надо слушаться. Это, во-первых, а во-вторых, я же предупредила, что всё за мой счёт.

Вика закончила свою тираду кратким еврейским спичем «Лехаим» и они, не закусывая, опустошили свои рюмки. После небольшой паузы, не глядя в глаза Леониду, она поведала ему свою не очень длинную биографию.

Оказывается, Вика знала, что такое тфилин, поскольку мамин папа, её дедушка, был благочестивым евреем, и она хорошо помнит, как каждое утро он молился у окна, накладывая на руку чёрную коробочку. Русский дедушка по папиной линии работал в механической мастерской. Она до сих пор не забыла его мозолистые руки, которые с равной периодичностью держали как слесарный инструмент, так и гранёный стакан с самогонном. Отец Вики работал ремонтником на обувной фабрике. Так сложилось у него, что водку он любил больше, чем работу, чем жену и её, свою маленькую дочку. Кончилось это тем, что по пьяному делу он ударил мать: она грохнулась головой об стенку и упала на пол, с которого больше не поднялась. Отцу присудили четверть века колонии строгого режима за неумышленное убийство, а Вика осталась сиротой. В этот момент ей было всего семь лет. А дальше был детский дом, потом тяжёлая монотонная работа в сборочном цехе комбайнового завода и маленькая комнатуха в захиревшем общежитии, которую она делила с ещё одной работницей.

В годы перестройки, когда евреи Биробиджана решили стать русскими в Израиле, кто-то посоветовал Вике вспомнить, что она по матери еврейка и переехать в страну с молочными реками и кисельными берегами. Что касается молока и киселя, то недостатка в них на новом месте жительства, действительно, не было: и то, и другое в избытке присутствовало на полках супермаркетов. Не хватало только работы, чтобы обеспечить себе мало-мальски достойную жизнь. Комбайновых заводов с конвейерами в Израиле не было, а другой специальности не было у Вики. Не имелось у неё даже, обязательного в СССР, восьмиклассного образования. Что было делать? Надо было как-то выживать. И она выжила благодаря встрече с Романом Шварцманом, с которым работала в Биробиджане на одном заводе. Роман считался там важным человеком: занимал должность секретаря комитета комсомола. Не просто секретаря, а секретаря освобождённого, т. е. он не был ни инженером, ни техником, ни экономистом, ни даже простым рабочим, он был номенклатурой. Такой специальности в Израиле тоже не существовало. Тем не менее богатый опыт общественной работы не пропал даром. Только теперь подопечными Романа были не комсомольцы, а еврейские путаны. Он стал человеком, занимающимся организацией проституции, человеком, контролирующим работу подотчётных ему «жриц любви». Именно бывший комсомольский босс Роман Шварцман обеспечивал охрану и защиту своих подопечных гетер от правоохранительных органов, от конкурентов, от агрессивных клиентов, именно он предоставлял помещения для обладательниц древней, но такой востребованной и сегодня, профессии. Руководить двумя десятками путан оказалось намного сложнее, чем направлять деятельность комсомольской организации из четырёх сотен комсомольцев. Если заводские комсомольцы платили с каждой зарплаты не ему, а государству копеечные взносы, то от прелестных еврейских гейш он получал огромный процент их немалого заработка. Одной из таких гейш по его милости и стала Вика, с которой он, разумеется, несколько раз переспал с целью проверки её комсомольского задора и любвеобильных качеств по отношению к клиенту. Если со вторым параметром у Вики было всё в порядке, то, как раз именно задора и не хватало. Чтобы устранить этот пробел, Роман приставил к ней профессионала в сексуальном охмурении посетителей украинку Надю. Вика оказалась талантливой ученицей, и уже через несколько дней учебной практики отправилась в самостоятельное плавание по волнам продажной любви.

Леонид настолько впечатлился не очень уж и весёлым повествованием Вики, что неожиданно для себя заказал ещё водку. Разбитной израильский официант, у которого «Gold», очевидно, был не самым ходовым товаром, поднося им очередную порцию крепкого напитка, весело проронил:

– Вы, милые господа, сразу бы графин заказали, что ли, а то я так с ног собьюсь подносить на стол всё время маленькие рюмочки.

Леонид поднял свою стопку и прочувственно провозгласил:

– За тебя, Вика! Чтобы жизнь у тебя наладилась, и чтобы всё в ней было хорошо.

– Да ничего уже хорошего не будет, – промямлила она, поднося к, раскрашенным густой помадой, губам очередную порцию водки, – я ведь женщина не только гулящая, а ещё и пропадающая.

– Смотри, Вика, – удручённо сказал сердобольный Леонид, – если нужна помощь, запиши мой телефон.

– Всё как раз наоборот, Лёня, – оживилась вдруг она. Это я хочу тебе помочь.

Вика попросила у официанта ручку, что-то быстро написала на салфетке и протянула ему. Развернув её, он прочитал: «Наташа – 03-6232978».

– Что это за телефон, и что за Наташа? – удручённо поинтересовался он.

– Как раз то, вернее та, что тебе надо, – искренне рассмеялась Вика. – В некотором роде лекарство, которое должно тебя вылечить.

– Что ещё за лекарство, что за бред? – не на шутку разволновался Леонид. – Зачем меня нужно лечить, я, в общем-то, здоровый человек?

– Может быть, и здоровый, да не совсем, – гнула своё Вика, – я сразу заметила, что ты какой-то озабоченный. Похоже, обделён ты женским вниманием. Тебе, Лёня, особая проститутка нужна. Вот Наташка, ты уж поверь мне, тебя и вылечит.

Не успел Леонид подивиться женской проницательности, как она, положив на столик деньги, вскочила со стула и, не попрощавшись, скрылась за пальмами, окружающими ресторан со всех сторон.

Глава 4

Медсестра из спа-салона

Лечение у Наташи Леонид начал буквально через несколько дней. Она, разумеется, никогда врачом не работала, но медицинское образование имела. Да разве могла хорошая еврейская девочка не иметь хоть какое-нибудь отношение к медицине? Конечно же, нет. Заботливые полуеврейские родители из хлебного города Ташкента всеми правдами, а по большому счёту, неправдами, за отданную кому надо мзду сумели устроить дочку в медицинское училище. А девочка действительно получилась более чем хорошенькая, что лишний раз доказывает, что детей надо производить от смешанных браков. Прелестной куколке, выпорхнувшей из материнского лона иудейки Дины, мусульманский папа, узбек Мамед, дал почему-то русское имя Наташа. К своему совершеннолетию куколка превратилась в стройную восточную красавицу, унаследовавшую от отца смуглую кожу, тёмные как смоль волосы и раскосые глаза. Разве что едва заметная скорбь в поволоке этих красивых глаз выдавала еврейскую составляющую в национальности Наташи. Так случилось, что отец Наташи, командир мотострелкового батальона, погиб на войне, развязанной советским правительством в Афганистане. А ещё через несколько лет после этой трагедии Наташа с матерью репатриировались в Израиль.

В момент приезда на обетованную землю Наташе исполнилось 24, а маме Дине – 43. Надо сказать, что природа не обидела и Дину естественной красотой. На своём пятом десятке она выглядела на тридцать с весьма небольшим хвостиком. На это и обратил внимание разведённый полковник израильской армии Меир Пейсахович. Надо сказать, что не только обратил, а через уже короткое время предложил ей руку, сердце, общий банковский счёт и брачный контракт. От такого многообещающего предложения Дина не сумела отказаться. Таким образом, бывшая ташкентка, бывшая жена погибшего майора Советской Армии стала женой действующего полковника Армии Оборона Израиля. Через год Меир ушёл в отставку, и они с Диной благополучно переехали в Лос-Анджелес, оставив Наташу на произвол израильской судьбы.

На самом деле это был не совсем произвол. Отставной полковник снял ей небольшую комнату – студию в Тель-Авиве, которую оплатил на год вперёд. Кроме того, он устроил Наташу медицинским секретарём к врачу-психиатру. Психиатр родился сорок лет назад, из которых первые пятнадцать прожил в городе Ровно. Посему он довольно сносно говорил не только по-русски, а даже и по-украински. Внешне психиатр, которого звали Шевах, являл собой высокого лысого, в некотором роде, даже импозантного мужчину. Но по своим наклонностям почему-то напоминал Наташе своих пациентов. Позже она узнает, что профессия психиатров накладывает на них своеобразный отпечаток, и они становятся то ли по форме, а возможно даже и по содержанию, похожими на тех, кого призваны лечить.

Зарплату доктор Шевах платил совсем небольшую: её едва хватало на покрытие коммунальных услуг и самые необходимые потребительские нужды. Мама Дина иногда присылала какие-то деньги, но они сразу уходили на покупку одежды. Наташа понимала, что для достойной жизни красивой женщине необходим либо нормальный мужик, который способен оплачивать эту самую жизнь, либо собственный приличный заработок. С полковниками её дороги почему-то не пересекались, видимо, последнего из них подобрала её мамочка. Да и бизнесмены, банкиры и олигархи не спешили проторить дорожку к её скромной студии в районе старого тель-авивского порта. Оставалось самой найти способ достойного заработка.

За год до отъезда в Израиль огромное впечатление на Наташу произвёл нашумевший фильм советской перестройки под названием «Интердевочка». Возможно, что, по замыслу режиссёра, эта кинолента должна была убить у советских девушек такое никчемное желание,

как занятие валютной проституцией. Однако в реалиях всё вышло совсем наоборот. Буквально в считанные дни после выхода фильма на экран в обиходе появился анекдот:

– Марь Петровна! Ну как вам, коммунистке, ветерану труда, члену парткома и месткома, наставнице молодых удалось стать валютной проституткой?!

– Ну как-как?.. Ну просто повезло!

Именно такого везения и жаждала Наташа. Ей хотелось стать путаной. Сказать по правде, это слово ласкало её слух, ей казалось, что в нём кроется нечто возвышенное и таинственное. На самом деле в нём содержалось больше низменного, чем возвышенного. Что же касается таинственности, то это, действительно, присутствовало: в индийской мифологии путаной назывался демон женского пола. Наташа не желала связывать постыдное слово «проститутка» с ласкающим слух словом «путана», в котором прорывалась некая эксклюзивность и элитарность. Она не подозревала, что в своих догадках была недалеко от истины, но от истины перевёрнутой: при любых обстоятельствах путана классифицировалась всё-таки проституткой, только проституткой высокопоставленной, проституткой высокого разряда. А это уже можно было назвать профессией, которая, по мнению Наташи, позволяла без особых трудозатрат зарабатывать совсем немаленькие деньги. Она ещё помнила, как старенькая учительница русской литературы не просто твердила, а забивала своим ученицам головы цитатами Пушкина «Береги платье снову, а честь смолоду» и Чернышевского «Умри, но не давай поцелуя без любви». Наташа вовсе не собиралась раздавать поцелуи направо и налево, но в тоже время догадывалась, что умирать из-за этого, точно, не стоит. Чуть позже она стала понимать, что, похоже, на сбережённую в молодости честь новое платье не купишь. Тем не менее получать высокие гонорары за разброс своей невинности в Ташкенте было практически невозможно.

Трудно сказать, какую этимологию слово «путана» имело в Европе и в США. В Советском Союзе оно однозначно определялось, как проститутка с обязательным прилагательным «валютная». Причём последнее слово являлось даже более ключевым, чем первое, поскольку именно в нём кодировался заработок путаны. В Израиле валюта не являлась понятием, определяющим бытие еврейского обывателя. Поэтому исключительность словосочетания «валютная проститутка» теряла всякий смысл. Работать же в грязных обшарпанных кабинетах под целебным названием «массажные» среди распущенных и непристойных девиц лёгкого поведения Наташа даже и не помышляла. Она была согласна даже и на нелёгкое поведение, только лишь с условием, что заведение по сексуальным услугам будет привилегированным, элитарным и престижным. Наташа даже самой себе не могла объяснить, что понимается под этими презентательными словами. Она догадывалась, что таких заведений в природе просто не существует. Но и не предполагала, что буквально через несколько лет на святой земле появятся элитные специализированные салоны для обслуживания так называемых VIP-персон, а на последних страницах израильских газет эти самые персоны смогут найти объявления примерно следующего содержания: «Уважаемые мужчины! Наши индивидуалки подберут подход к каждому клиенту и преподнесут ему блаженные минуты страсти и оргазма. Ваше тело с радостью будет отзываться на их ласки, а чувственность увеличится многократно. В их объятиях каждый из Вас сможет отвлечься от всех проблем и сосредоточиться только лишь на своих удовольствиях. Наши путаны ухожены и всегда выглядят идеально, помня, что внешние данные и умение в постели – это их главное достоинство. Их упругая грудь с торчащими сосками будет отзываться на Ваши нежные ласки, а до предела разгорячённая и возбуждённая киска с огромным удовольствием примет в себя Ваш самый главный орган любви». Но пока Наташа ещё не знала, что она, полуеврейка, полуузбечка, бывшая жительница столицы Узбекской ССР, станет одной из таких индивидуалок.

Учебных заведений по подготовке путан в мире не существовало. Поэтому обучаться технологии и методам сексуальных услуг не представлялось возможным. Однако же далеко не все писатели заканчивали литературные институты. Ведь талант произрастает самостоятельно

в неведомых недрах человеческой души. «Путанское» призвание Наташи росло не только в душе, а и в потайных местах женского тела. Ей казалось, что именно разумное сочетание телесного и, насколько это возможно, душевного как раз и являлось профессиональным атрибутом путан. Но ой как суха теория без практики, и что поделать, если стажироваться было негде, а хорошо жить хотелось уже сегодня, а не послезавтра?

Говорят, что если человеку чего-то очень хочется, то это желание обязательно сбывается. В Наташином случае это вожаделенное «что-то» вовсе не было престижным салоном для состоятельных клиентов. Просто, в общем-то, здоровая психика психиатра Шеваха впитала много элементов не очень-то здорового подсознания его пациентов. «Психическому» доктору тоже казалось, что он зарабатывает меньше денег, чем ему предписано Всевышним. Поэтому в один прекрасный день, прикупив в ближайшей лавке средней паршивости израильский бренди «777», он крепко задумался о том, как поставить свои крепкие знания в области психиатрии на бизнесовые рельсы. Когда на дне зеленоватой бутылки остались жалкие остатки 40-градусной коричневой жидкости, Шеваху удалось придумать нечто из ряда вон выходящее. Источником идеи, которая назревала в его извилинах, послужила статья, которую он прочитал в толстом американском журнале. Там среди прочего сообщалось, что импотенция 90 % мужчин имеет психологические причины и поддаётся лечению у психотерапевтов. Кто сказал, что дипломированный врач-психиатр не может стать психотерапевтом? Никто! Все согласны. Согласился с этим и сам Шевах. Перевернув кучу научных трудов психотерапевтов из США и Европы, Шевах наткнулся на статью, в которой сообщалось, что эффективным методом лечения импотенции, не связанной с физиологическими причинами, может являться периодическое посещение больным квалифицированной путаны. Это показалось Шеваху более чем интересным. Но вот незадача: где можно зафрахтовать такую многоопытную, умеющую общаться с клиентами не только на сексуальном уровне, элитную проститутку.

Долго думать Шеваху не пришлось. На следующий день, зайдя к себе в кабинет, он увидел картину, сильно затронувшую его психотерапевтическое воображение. Прямо перед ним стояла нагнувшаяся к полу Наташа, которая оттирала там прилипшие к нему соринки. При этом подол её чересчур короткой юбки вздымался высоко вверх, обнажая стройные, чуть полноватые белоснежные бёдра. Перед затуманенным взором Шеваха, как мираж в залитой солнцем пустыне, открылись тонкие голубого цвета трусики-стринги, которые, по сути дела, полностью оголили притягательные и аппетитные ягодицы Наташи, оставляя только на их середине едва заметный матерчатый треугольник. Следует заметить, что плоть Шеваха была сделана не из железа, поэтому от увиденной панорамы тело его стало слегка подрагивать. Пошатываясь, он прошёл к своему столу, прикрывая правой рукой вздыбившуюся ширинку брюк. Когда Наташа вышла из кабинета, Шевах уже начал было успокаиваться от нахлынувшего волнения, как вдруг неожиданно подумал:

– Это что же, чёрт побери, получается? Когда уже несколько ночей мой баловник не реагирует на собственную жену, он вдруг самым неожиданным образом откликнулся на прелести моей секретарши.

И вдруг его словно током прошибло.

– А ведь это, кажется, и есть то самое, что я вычитал в научных журналах. Там же так и написано, что отсутствие либидо исцеляется его присутствием, по-нашему: клин клином вышибают, т. е. отсутствие сексуального влечения к отдельно взятой женщине успешно лечится сексуальными приманками профессиональной путаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.